

Р. С. Меррикер
**ДВЕ НЕДЕЛИ
В СЕНТЯБРЕ**
роман

CoRpus

Самый жизнеутверждающий, духоподъемный роман
из всех, что я знаю. Редко кому удастся так точно
передать достоинство обыденной жизни.

Кадзуо Исигуро

Р. С. Шеррифф
Две недели в сентябре
Серия «Литературные открытия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67671587

*Две недели в сентябре:
ISBN 978-5-17-137461-7*

Аннотация

Семейство Стивенсов, живущее в одном из пригородов Лондона, отправляется в ежегодный отпуск на море. Несколько часов на поезде, и они оказываются в городке Богнор, в пансионе, куда они приезжают уже двадцать лет. На две недели они могут вырваться из будничной жизни с ее заботами и обязанностями, почувствовать себя свободными, поразмышлять о том, что им в жизни действительно важно. Шеррифф с такой нежностью и деликатностью описывает своих героев, что читатель начинает ценить и их, и незамысловатые радости обыденной жизни. Роман, написанный в 1931 году, был переиздан и обрел новую жизнь в начале XXI века и теперь заслуженно считается одним из шедевров английской литературы.

Содержание

Из автобиографической книги “Без женской роли” (1968)	5
Глава I	12
Глава II	25
Глава III	35
Глава IV	44
Глава V	52
Глава VI	64
Глава VII	79
Глава VIII	89
Глава IX	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Р. С. Шеррифф

Две недели в сентябре

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© The Estate of RC Sherriff

© А. Гайденко, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS ®

Из автобиографической книги “Без женской роли” (1968)

Однажды мне в голову внезапно пришел замысел романа. Было это во время отдыха на море в Богноре, когда мы спустились к морю, садились на набережной и наблюдали за проходящими мимо толпами.

Глядя на этот бесконечный людской поток, я выбирал какое-нибудь семейство и представлял себе, как проходит их жизнь, какие надежды лелеют и к чему стремятся отцы, гордятся ли матери детьми или разочаровались в них, кого из детей ждет успех, а кто отдастся на волю волн и ничего не добьется. Мимо бесконечной чередой проплывали люди, которых я прежде не встречал и больше не встречу, но на минуту, когда они оказывались рядом, я отчетливо видел в каждой личность, и время от времени кто-нибудь из них зажигал во мне искру интереса, которая теплилась в памяти даже после того, как они скрывались из виду.

Мне захотелось взять наугад одно из этих семейств и выдумать историю о том, как они каждый год отдыхают на море.

Эта история не могла стать пьесой. Для театра она не подходила, да и в любом случае с пьесами было покончено.

Она должна была стать романом, но все мои предыдущие

попытки написать роман в конце концов оказывались в мусорной корзине. Мне не хватало словарного запаса. Я барахтался в поисках новых слов, которые раньше не использовал, сбивался, запутывался и злился. Но теперь я решил, что не стану писать с прицелом на публикацию. Даже если роман будет закончен, я никогда не предложу его издателю, чтобы не потерпеть очередное фиаско.

Я собрался писать просто ради того, чтобы писать, и однажды вечером в номере отеля приступил к работе. Вскоре я столкнулся с теми же трудностями, которые мучили меня всякий раз, когда я брался за роман. Я ломал голову, подбирая слова, но те, которые мне удавалось найти, не сочетались друг с другом. Я оказался в еще худшем положении, потому что на этот раз у меня под рукой не было ни толкового словаря, ни словаря синонимов.

После нескольких бесплодных попыток я начал задумываться: уж не сбился ли я с пути? Я хотел написать о простых, обыкновенных людях, живущих ничем не примечательной жизнью, но подыскивал для этого цветистые обороты и высокопарные фразы. Конечно же, лучше всего было говорить об этих людях простыми, обыкновенными словами, которыми они сами описали бы свои чувства и приключения. Я решил попробовать так и сделать – ограничиться скромным запасом слов, который есть в моем распоряжении, и посмотреть, хватит ли мне его. Может, у меня и не выйдет книги, которую люди захотят прочесть, но зато карандаш не будет

лежать без дела, и мне по вечерам найдется занятие.

Сюжет был прост, настолько прост, что, пиши я не для собственного удовольствия, я бы постыдился брать его для романа. Семья из пригорода – муж, жена, взрослая дочь, которая работает в швейном ателье, сын, который только что устроился в лондонскую контору, и младший сын, еще школьник, – ежегодно ездит на две недели отдыхать в Бognор. Я собирался написать о том, как проходит каждый день их отпуска, начиная с вечера перед отъездом и заканчивая днем, когда они собирают вещи, чтобы возвращаться домой; как они каждое утро выходят из старенького пансиона и спускаются к морю; как отец во время короткой передышки от скучной работы обретает надежду на будущее; как дети жаждут романтики и приключений; как мать, которая боится моря, пытается убедить остальных, что ей все нравится.

Простой стиль поначалу давался мне не легче, чем прежний витиеватый. Было трудно избавиться от привычки подыскивать эффектные выражения и мудреные обороты. Но рано или поздно незатейливые слова пробьют себе дорогу. Со временем дело пошло так гладко, что за вечер я успевал написать гораздо больше, чем раньше.

Но и в этом стиле были свои подводные камни. Если писать слишком просто, скатываешься в вульгарность, и язык становится примитивным до нелепости. Если перусердствовать, придумывая заурядных героев, они становятся очень маленькими, и начинаешь относиться к ним покро-

вительственно. Я не сразу нашел золотую середину. Сначала я смотрел на своих персонажей сверху вниз, а потом слишком далеко зашел в противоположном направлении и обнаружил, что смотрю на них снизу вверх. Только по-настоящему узнав их, я смог без труда идти с ними наравне.

Особая прелесть состояла в том, что я не продумал план романа заранее и не знал, что произойдет в следующей главе, пока не наступала очередь ее писать. Это позволяло мне сопереживать героям, потому что каждый вечер, ложась спать, они точно так же не знали, что будет с ними на другой день, как не знал об этом и я, когда выключал лампу на столе и ложился спать сам. Готовый роман я назвал “Две недели в сентябре”.

Я все время повторял, что пишу только для себя и вовсе не собираюсь издавать роман. Иначе я не получал бы такого удовольствия от работы над ним. Но, закончив, я не мог удержаться от желания показать его кому-нибудь и узнать, что о нем думают. Когда я перечитал книгу, мне показалось, что она написана детским языком, но совсем не годится для детей. Нечего было и думать выдавать ее за детскую, но я не мог представить, какой взрослый возьмется такое читать.

“Конец пути” опубликовал Виктор Голланц – единственный издатель, которого я знал лично. Правда, Голланц был интеллектуалом и отличался взыскательностью. Романы, которые он публиковал, завоевывали признание критиков за свои художественные достоинства, и предлагать ему “Две

недели в сентябре” было все равно что предлагать льву леденец. Но терять было нечего. Мои писательские акции упали до нуля, и после недавних неудач с пьесами у меня выработалась невосприимчивость к разочарованиям. Роман был написан по той же схеме, к которой я прибегал в пьесах: те же обыкновенные люди, те же ничем не примечательные события. Послать его Голланцу значило злоупотребить нашей дружбой, но я был уверен, что он прочтет книгу сам, а его мнение, каким бы оно ни было, останется между нами. Я хорошо знал его и не сомневался, что я в надежных руках.

С философским спокойствием я ждал, когда он вышлет мне рукопись обратно, приложив к ней любезное письмо, полное сожалений, но то письмо, которое я от него получил, оказалось самым большим сюрпризом в моей жизни. Начиналось оно со слов “Это превосходно”, и они были словно солнечный луч после месяцев, проведенных в темной комнате. Это было замечательное письмо. Я привык, что издатели и директора театров ведут себя осторожно и сдержанно, но в ответе Виктора не было ничего подобного. Его энтузиазм казался безграничным. “Я с радостью опубликую эту книгу, – сообщил мне он. – Я бы не изменил в ней ни слова”.

Он действительно опубликовал ее ровно в том виде, в каком она была написана, и отзывы были изумительными. “Прелестный роман”, – говорилось в “Дейли телеграф”. “Маленький шедевр”, – говорилось в “Санди экспресс”. “Это очаровательно”, – говорилось еще в одной газете. Успех

“Конец пути” повторялся.

Публика, которая отвернулась от точно такой же истории, но в виде пьесы, расхватала роман, как горячие пирожки. Первое издание было распродано за неделю, десять тысяч экземпляров кончились сразу же после выхода из печати, двадцать тысяч – за месяц. Американский издатель выпустил его в рекордно короткие сроки. У них роман получил такие же восторженные отзывы и продавался так же хорошо, как и здесь. Его купили Германия, Франция, скандинавские страны, Италия, Испания и, наконец, почти все европейские государства, в которых выходил “Конец пути”.

Почему это произошло, можно только догадываться. Наверное, главным образом потому, что читалась моя книга легко и в ней не было ничего грандиозного или слишком вычурного, а еще потому, что она была первой в своем роде. Одна девушка из Нью-Йорка написала, что читала мой роман каждое утро на пароме, который перевозил ее через Гудзон на работу в город, и ей становилось тепло, легко и радостно.

Самому же мне казалось, что я попадаю в яблочко только в тех случаях, когда не особенно стараюсь. Так было с “Конец пути”. Я сел за эту пьесу, чтобы чем-нибудь занять зимние вечера, и даже не думал ставить ее на сцене. А вот над двумя последующими пьесами я работал как проклятый, и все насмарку. Я сдался, потому что мои старания ни к чему не приводили, написал роман, чтобы скоротать время, и сно-

ва добился всего, о чем только мог мечтать.

Трезво поразмыслив, я пришел к выводу, что этот роман так и не сделал из меня профессионального писателя. Нельзя заработать на жизнь исключительно благодаря стечению обстоятельств, которые, судя по всему, складываются в твою пользу только тогда, когда ты пережил уже много неудач и решил отказаться от дальнейших попыток. Я сильно обжегся, пытаясь повторить свой бешеный театральный успех с другими пьесами, и не хотел рисковать снова. Попробуйся я заработать на успехе первого романа, состряпав второй, критики, вероятно, сказали бы, что это совсем не “Две недели в сентябре”, и, без сомнения, были бы правы – так что правильным было на этом остановиться: нельзя войти в одну реку дважды.

Глава I

В дождливые дни, когда западный ветер гнал по небу тучи, первые намеки на то, что скоро распогодится, появлялись над Железнодорожной насыпью, прямо за садом. Нередко миссис Стивенс, когда ей особенно хотелось, чтобы дождь перестал, выглядывала из боковой двери и искала на горизонте над Насыпью полоску просветлевшего неба.

Насыпь, бесконечно простиравшаяся вправо и влево, делила мир миссис Стивенс пополам. По эту сторону были ее дом и Далидж с его длинными исхоженными дорогами, вдоль которых тут и там жили ее знакомые. А еще по эту сторону, в полумиле отсюда, над крышами возвышался Хрустальный дворец; осенью он иногда посылал им золотые квадраты отраженного заката. За ним расстилались поля и росли деревья – в этих зеленых уголках вересковой пустоши вся семья обычно устраивала пикники, когда Дик и Мэри были маленькими.

По другую сторону Насыпи лежала вторая половина мира миссис Стивенс – почти неизвестная ей половина. Там были Херн-Хилл, Камберуэлл и огни Лондона, которые в пасмурном небе светились, как серные свечи в темной, давно опустевшей комнате больного, а в ясные ночи слегка разбавляли темную звездную синеву.

В том месте, где заканчивалась Корунна-роуд, под Насыпь

ныряла асфальтовая дорожка, продолжавшаяся с другой стороны, но миссис Стивенс редко углублялась в эту часть мира. Покупки она делала в Далидже, и друзья ее жили именно там. Погожие субботние дни они проводили в полях и среди деревьев, к югу от города, на пути к Бромли.

Хотя миссис Стивенс жила в доме двадцать два по Корунна-роуд уже двадцать лет, с тех пор как вышла замуж, она имела весьма смутное представление о том, что находится прямо позади сада, за Насыпью.

Время от времени, когда они проезжали на поезде мимо дома, она пыталась это выяснить. Но народу в вагоне всегда было полно, и она не успевала перебежать от одного окна к другому, чтобы посмотреть в обе стороны. Поэтому ей так и не удалось разгадать тайну местности, лежащей за границей Насыпи, а впрочем, кое-что она с гордостью отмечала всегда. Пока поезд грохотал по Насыпи, перед ее глазами разворачивалась панорама тридцати садов – тридцати домов на Корунна-роуд с четными номерами. И ни один из них не представал в таком выгодном свете, как номер двадцать два с его тщательно подстриженной лужайкой, аккуратными клумбами и сиренью. Только в саду дома номер двадцать два на крыше сарая не было ни расколотых кирпичей, ни старых помойных ведер.

Но в этот промозглый сентябрьский день сад имел унылый и жалкий вид. Дождь начался рано утром; когда в двенадцатом часу миссис Стивенс вышла из мясной лавки, еще на-

крапывало, а теперь, в пять, уже шел тихий, унылый дождь, заливавший ямки на дорожках. Она чувствовала себя подавленной и несчастной. Вечер перед отъездом на море всегда считался семейным праздником. Когда Дик и Мэри были маленькими, он мог сравниться разве что с сочельником; иногда они даже признавали этот вечер лучшим во всем отпуске, хотя проводили его дома, а от моря их отделяло еще целых шестьдесят миль.

Но в этот вечер море всегда манило их, и мистер Стивенс, прогуливаясь после ужина по саду, почти ощущал в воздухе солоноватый привкус. У него вошло в привычку перед отъездом задерживаться в саду дольше обычного: он захлопывал крышку письменного стола на пятнадцать великолепных дней, работа оставалась позади, и ему нравилось думать, что этим вечером отпуск уже начался. Выходя в сумерках на лужайку, он расстегивал воротник и дышал полной грудью. Потом шел в спальню и доставал одежду, которую собирался носить на море: серые фланелевые брюки, спортивную куртку из твида, коричневые ботинки на толстой подошве и мягкую твидовую кепку. Правда, кепку он надевал редко. Целых две недели он подставлял свои редкие темно-русые волосы солнцу и ветру.

Миссис Стивенс снова выглянула на улицу. Хоть бы дождь прекратился! Весь отпуск будет испорчен, если они лишатся этого первого вечера, особенно драгоценного потому, что он украден у будней, – потому, что на самом деле он

еще не часть отпуска.

В такие вечера на ужин всегда готовили что-нибудь особенное. В этом году их ждет отварная говядина, потому что из нее получаются хорошие сэндвичи в дорогу, и посуда моется легко, а значит, больше времени останется на окончательные сборы. На сладкое будут яблоки в тесте – любимый десерт мистера Стивенса.

Уже начало шестого. Через час вернется вся семья. Сначала мистер Стивенс (в этот вечер он всегда уходил с работы минута в минуту), потом Дик, а потом и Мэри. К семи все уже соберутся дома. А вдруг дождь будет идти две недели? Однажды именно так и случилось. Она до сих пор помнит тот вечер, когда они тащились от станции по Корунна-роуд, в сумерках, под непрекращающимся дождем, – Дик нес ведро, с которым толком и не поиграл, и мокрую лопатку.

Но на этот раз такого не будет – не может быть: она молилась, чтобы небо прояснилось, и ее молитва была услышана. Еще раз выглянув из кухонной двери, она заметила, что на улице посветлело; гравийная дорожка блестела, капли все реже барабанили по луже, и их становилось все меньше, а вдаль, над Насыпью, крошечная голубая полоска вытесняла с неба тяжелые тучи.

Она вернулась на кухню с таким чувством, будто гора упала с плеч. Теперь все будет хорошо.

Если бы вы спросили миссис Стивенс, почему она счастлива, она бы не сумела это объяснить. Ответить: “Потому

что будут счастливы все остальные” она бы не решилась – это прозвучало бы слишком напыщенно и глупо. Спроси вы ее: “Нравится ли вам отпуск?”, она бы вздрогнула: этого вопроса она всегда боялась, но ей так ни разу его и не задали. Никто этим не поинтересовался. Члены семьи считали, что ей все нравится, а друзья спрашивали только: “Ну как, хорошо ты провела время?”, на что она двадцать лет кряду отвечала: “Чудесно”.

Они всегда ездили в Богнор – с тех самых пор, как во время медового месяца она впервые увидела море. У ее отца была сестра, которая жила на ферме, и он, хотя сам пренебрегал отпуском, год за годом отправлял к ней детей, пока одна из его дочерей не встретила мистера Стивенса и не вышла за него замуж.

Море пугало миссис Стивенс, и она так и не смогла побороть свой страх. Больше всего оно пугало ее в полный штиль. Что-то внутри нее содрогалось при виде этой огромной, скользкой глади, уходящей в никуда, и голова начинала кружиться. На медовый месяц они по объявлению сняли комнаты на Сент-Мэтьюз-роуд у мистера и миссис Хаггетт. Пансион назывался “Прибрежный”, потому что из окна уборной была видна верхушка фонаря на набережной.

Мистер и миссис Хаггетт оказались необычной парой. Тучный и жизнерадостный мистер Хаггетт когда-то служил камердинером у человека, который оставил ему немного денег, – вот на них-то он и купил “Прибрежный”. Он отличал-

ся покладистым нравом, на других поглядывал слегка снисходительно и выпивал. Миссис Хаггетт, в отличие от него, была худой и так заискивала перед гостями, что становилось неловко. Коренастая, кривоногая и рыжеволосая Молли, которая верой и правдой работала у Хаггеттов уже много лет, была их единственной служанкой.

Впрочем, дом содержался в порядке и в безупречной чистоте. Стивенсы вернулись туда на следующий год и с тех пор возвращались постоянно – двадцать лет подряд, в дождливую и в ясную погоду, в жару и в холод.

Они часто говорили о том, что стоило бы поехать в другое место – в Брайтон, в Бексхилл, даже в Лоустофт, – но в конце концов Богнор всегда побеждал. Мало того, с каждым годом их все сильнее тянули туда сентиментальные воспоминания. Чернильное пятно на скатерти в гостиной, которое посадил Дик, когда был еще маленьким; небольшое панно, которое сделала Мэри, наклеив на открытку ракушки, – перед отъездом его подарили миссис Хаггетт, и с тех пор каждый год, возвращаясь в “Прибрежный”, Стивенсы видели его на каминной полке в гостиной. На лестничной площадке стояло чучело усача, которое они называли мистером Ричардсом, потому что усач напоминал молочника, когда-то приходившего к ним в Далидже. Их связывали с Богнором и многие другие ниточки, которые, увы, иначе оборвались бы.

Однако с течением лет “Прибрежный” мало-помалу неумолимо менялся. Мистер Хаггетт, некогда цветущий, как

деревья весной, начал чахнуть. Румяные щеки поблекли и покрылись сеточкой тонких лиловых прожилок. Однажды Стивенсы заметили, что его исхудавшие руки дрожат, когда он подписывает квитанцию, а кожа на костяшках пальцев стала дряблой.

Каждый год в один из вечеров, когда дети уже ложились спать, миссис Хаггетт заглядывала в гостиную Стивенсов и тревожным полусшепотом, часто поглядывая на дверь, рассказывала своим постояльцам, как тяжело пришлось зимой мистеру Хаггетту – все время в постели, то с бронхитом, то с другими загадочными болезнями, о которых миссис Хаггетт никогда не могла толком ничего сказать.

С каждым годом ее повествование становилось все длиннее и внушало все больший страх, пока однажды на Пасху Стивенсы не получили письмо с черной каймой. Миссис Хаггетт сообщала, что в прошлый вторник, в десять часов вечера, ее муж скончался.

В сентябре миссис Хаггетт встретила их в черном. Она рассказала, какая чудовищная погода была в тот вечер, когда умер ее муж, как ревело море, как хлопья снега кружились над дорогой, но, по ее собственным словам, смерть прекратила его мучения. С тех пор она носила траур.

Несколько лет назад мистеру Хаггетту пришлось отказаться от своей единственной обязанности (он менял электрические лампочки), потому что у него начинала кружиться голова. В последнее время толку от него в доме было мало. Но

хозяйка пансиона тяжело переживала потерю: теперь, после смерти супруга, долгие зимние месяцы она проводила одна.

В последующие годы Стивенсы не замечали в “Прибрежном” явных перемен к худшему. Миссис Хаггетт все так же волновалась и все так же суетливо, как и всегда, пыталась им угодить. Молли, казалось, не сидела на месте ни минуты – и все-таки что-то было не так, каждый год происходили какие-нибудь мелкие неприятности. Несколько лет назад порвалась цепочка, к которой крепилась пробка для ванны; ее так и не починили, и теперь пробка валялась на дне. Год от года постельное белье ветшало и становилось все тоньше; однажды мистер Стивенс острым ногтем на ноге зацепил пододеяльник, разорвал его посередине и с тех пор каждый вечер, ложась в постель, случайно попадал ногой в дыру, которая от этого становилась еще больше.

Стивенсы никогда не жаловались и не говорили об этом вслух. Их многолетняя связь с “Прибрежным”, боязнь доставить лишние хлопоты миссис Хаггетт и, возможно, жалость к ней заставляли их молчать. В конце концов, они весь день проводили вне дома.

Но для миссис Стивенс перемены в “Прибрежном” были лишь малой частью волнений и тревог, которые доставляли ей эти две недели в году. Она ненавидела себя за то, что отдых не доставляет ей такой радости, как остальным. Необходимость делать вид, что она получает удовольствие, огорчала ее, потому что было в этом что-то притворное, нечестное.

Когда Дик – лет четырнадцати – возился в песке в подвернутых шортах, открывавших его загорелые ноги, и время от времени внезапно подбегал к ней с восторженным: “Как хорошо, правда, мам?”, она отвечала: “Правда!”, и улыбалась, и ненавидела себя за ложь.

Но хорошим был только медовый месяц; с появлением детей эти две недели превратились в тяжкое бремя, а иногда и в настоящий кошмар. Дома дети принадлежали ей, любили ее, приходили к ней со всеми радостями и горестями. Но в Богноре они отдалялись от нее, становились совсем другими. Если она бралась за весла, они смеялись над ней и говорили, что она выглядит очень забавно. Дома они никогда так не делали.

Когда миссис Стивенс была моложе, она пыталась играть с ними в крикет на пляже, но не успевала вовремя заметить летящий мяч и поймать его. Они смеялись – и вскоре она бросала игру и пряталась в шезлонге за журналом, а от жаркого солнца у нее начинала болеть голова.

Но хуже всего была сама дорога до Богнора: хотя дети, подрастая, доставляли все меньше хлопот, миссис Стивенс так и не преодолела ужас перед станцией Клэпем-джанкшен, где они делали пересадку.

Гроыхающие тележки носильщиков, путаница с платформами, визг поездов, заблудившийся муж – однажды, купив билеты, он вышел не с той стороны, – ад предстал бы для миссис Стивенс раскаленной добела Клэпем-джанкшен,

а черти в нем носили бы форменные фуражки.

Но если Клэпем-джанкшен была самым большим из ее страхов, то путешествие в поезде до предела истощало ее терпение. В первую субботу сентября, когда они уезжали, в вагоне всегда было полно народу. Однажды кому-то из пассажиров стало дурно, и он глухим голосом попросил открыть окно. А в другой раз – несколько лет назад – с одной женщиной в углу купе случилось нечто вроде припадка: она стучала каблуками по полу и стонала. Миссис Стивенс тогда вся похолодела от ужаса. Это происшествие продолжало время от времени снится ей, и с тех пор она, садясь в вагон, первым делом с неизменной тревогой вглядывалась в лица попутчиков, отчаянно надеясь, что у них будет отменное здоровье и непринужденный вид. Если же кто-то казался бледным и болезненным, она старалась отгородиться от него, прячась за спинами других пассажиров и презирая себя за трусость.

Впрочем, одна неприятность по мере взросления детей отпала, потому что в детстве Мэри всегда тошнило в поезде – тошнило с поразительной регулярностью, сразу после поворота на выезде из Доркинга. Миссис Стивенс пробовала не кормить ее, пробовала давать ей леденцы с резким мятым вкусом – все безрезультатно. В конце концов ее соседка миссис Джек, чью маленькую Аду укачивало точно так же, поделилась с ней отличным планом. Перед путешествиями на поезде миссис Джек всегда клала к себе в сумочку два-три бумажных пакетика. Они быстро открывались, легко приме-

нялись по назначению, и их было удобно выбрасывать в окно. Миссис Джек научилась очень ловко обращаться с ними и иногда хвасталась, что успеваает расправиться с пакетиком прежде, чем ее удивленные попутчики понимают, что произошло.

Миссис Стивенс ненавидела эти поездки. Она никогда особенно не любила читать. Погрузиться с головой в книгу или журнал она не могла. В дороге она до рези в глазах разглядывала багажную полку и зловещую сигнальную цепочку красного цвета.

И все же сейчас, хлопоча над ужином, поднимая крышку кастрюли и переворачивая вилкой кипящую говядину, она была счастлива и почти ликовала от того, что вечером неожиданно проглянуло солнце, – она была счастлива, потому что отпуск приносил огромную радость остальным. Она очень ждала их возвращения домой; ей не терпелось отправиться в дорогу и в то же время не хотелось уезжать, когда дом на один вечер стал лестницей, ведущей к свободе.

Была и еще одна причина, по которой в этом году она побаивалась отпуска чуть меньше. Дик и Мэри росли. Дик было уже семнадцать, а Мэри почти двадцать. Пару раз за последний год Дик туманно намекал, что хочет сходить с друзьями в поход, а Мэри заговаривала о том, как весело несколько девушек из ее швейного ателье провели время на ферме.

Теперь Дик и Мэри часто гуляли по вечерам. Каждый четверг они ходили на танцы в Сент-Джонс-холл, но были у них и другие развлечения. Дома в последнее время все стало не так, как раньше, и отпуск должен был не разлучить их, а наоборот, сплотить. В прошлом году Дик только заканчивал школу, а теперь уже устроился на работу. Похоже, эта работа ему не слишком нравилась. Отпуск пойдет ему на пользу, и, возможно, все уладится. Один Эрни, третий и самый младший ребенок, все еще учился в школе: Эрни было всего десять лет, и в последние два года, сам того не осознавая, именно он задавал настроение отпуска, веселясь и вовлекая остальных в шумные игры.

К счастью, намеки на то, чтобы провести отпуск по отдельности, кончились ничем, потому что, когда настал день заказывать комнаты, никто не сообщил о других планах. Дик как будто рвался в Богнор еще больше с тех пор, как начал работать, и это казалось миссис Стивенс немного странным.

Дождь совсем прекратился; светило солнце. Миссис Стивенс достала из кухонного ящика скатерть и пошла в столовую.

Эрни, наконец выбравшийся из дома, играл с теннисным мячом, кидая его в стену.

– Ноги промочишь! – крикнула миссис Стивенс.

– Тут сухо! – отозвался Эрни.

Часы на местной церкви Святого Иоанна пробили шесть. Скоро вернутся все остальные. Как хорошо, что они все-таки

смогут провести отпуск вместе! Будет чудесно, если в течение этих двух недель погода не испортится и все наслаются отдыхом, как и раньше.

Глава II

– Итак, – сказал мистер Стивенс, пододвигая стул. – “Список очень важных дел”. Ужин был окончен. Миссис Стивенс и Мэри уже убрали со стола. С мытьем посуды придется пока подождать. “Список очень важных дел” был одной из семейных шуток. Точнее, шуткой было само это название, потому что смысл в нем заключался самый серьезный. Перед тем как уехать на две недели, нужно переделать много дел, а чтобы избежать лихорадочной суеты, следует придерживаться плана.

Мистер Стивенс достал лист бумаги, сверху донизу испи-санный карандашом. Это был результат тщательно отобранного многолетнего опыта, который накапливался и совершенствовался с каждым отпуском, пока не получился безупречный в своем роде список, о каком можно только мечтать. Иногда они даже давали его друзьям.

Мистер Стивенс снова зажег трубку, смахнул со стола табачный пепел и прочистил горло. В последние дни семья редко собиралась за столом, и он с энтузиазмом ухватился за эту возможность.

Дик сидел напротив отца, выставив локти вперед и подперев подбородок ладонями. Миссис Стивенс, напоследок скинув комнату беглым взглядом, спрятала судок со специями в буфет, заняла свое место в кресле у камина и безучаст-

но усталилась на бумажный веер, лежавший на решетке в пустом очаге. Ее руки вспорхнули к вырезу блузки и быстро опустились на колени, как будто этот короткий жест уже утомил их.

Ужин прошел прекрасно. Поначалу они, пожалуй, слишком усердно пытались создать праздничное настроение, как будто побаиваясь, что за прошедший год очарование последнего вечера перед отъездом могло улетучиться, – но постепенно все пошло своим чередом, и дух прежних вечеров вернулся, как по волшебству.

Они забрасывали друг друга вопросами, в ответ получая встречные вопросы. Будет ли там опять дядя Сэм и его менестрели?¹ По меньшей мере лет пятнадцать дядя Сэм совсем не менялся, а ведь он наверняка ужасно старый. А те самые Пьеро будут? Не перекрыли ли пешеходную дорожку, которая вела к морю через лужайку клевера, – говорили, на ней собираются что-то строить? Будет ли опять играть настоящий военный оркестр? Слушать его куда интересней, чем обычный. Мистер Стивенс время от времени умолкал, потому что был уже далеко – пробирался по холмам с тростью и трубкой, в расстегнутой рубашке, подставляя грудь и

¹ Менестрели – загримированные под чернокожих белые артисты, которые играли на музыкальных инструментах, пели и танцевали. В 1930-х годах такие представления были очень популярны в Англии и часто проходили на открытых площадках на морских курортах. Иногда члены труппы выступали в клоунских костюмах Пьеро с огромными воротниками и в академических шапочках с кисточками. – *Здесь и далее прим. перев.*

непокрытую голову солнцу и ветру.

Вечернее небо прояснилось; солнце спускалось за Железнодорожную насыпь, начинавшую уже темнеть, и в окна маленькой столовой просачивалось бледно-золотистое сияние. Время от времени оно меркло, когда мимо проезжал поезд, но даже тогда между вагонами вспыхивали солнечные молнии.

Однако ужин был окончен, и впереди ждали дела.

Эрни, наевшийся до отвала, лежал на диване, пытаясь высечь искры из шерсти Пушки и наблюдая за маленькими пылинками, которые поднимались вверх и лениво поблескивали в угасающих лучах.

Мэри вышла из кухни и остановилась у камина. Каждый приготовился выслушивать указания и запоминать обязанности, которые традиционно поручались ему.

– Все готовы? – спросил мистер Стивенс, оглядывая их поверх очков. Он еще раз откашлялся и начал: – Первое. Сарай. Смазать лопату, вилы и совок. Закрывать дверь. Ключ повесить на крючок в кухне.

Он поставил аккуратную галочку напротив этого пункта.

– Так. Я сам позабочусь об этом сегодня. Второе. Джо. Отнести Джо к миссис Хейкин. Не забыть ванночку, корм и два панциря каракатицы.

Мистер Стивенс смущенно взглянул поверх очков на дочь:

– Сходишь, Мэри?

Брать на себя обязанность отправлять канарейку Джо к миссис Хейкин, их соседке, не хотелось никому. В голосе мистера Стивенса прозвучали беспокойные нотки, потому что в прошлом году они из-за этого чуть не поссорились.

Дело в том, что эта обязанность требовала поблагодарить миссис Хейкин, задержаться у нее и побеседовать пару минут; однако миссис Хейкин, несмотря на свою доброту, была женщиной довольно бестолковой и суетливой и по десять раз повторяла, как она любит ухаживать за Джо, потому что это вовсе не доставляет ей хлопот, и какая же прелесть этот Джо, и как он красиво поет по утрам, так что слушать его одновременно и радостно, и грустно.

Поблагодарить миссис Хейкин и уйти было не так-то просто. К тому же на душе у вас становилось тяжело, и вы чувствовали себя эгоистом, потому что сама миссис Хейкин никогда не ездила в отпуск.

Она жила одна.

Раньше, как говорили соседи, у нее были муж, трое сыновей и дочь, и кто-нибудь постоянно то приходил к ней, то уходил. Но это было давно – до того, как здесь поселились Стивенсы.

Она выходила из дома всего один раз в день. Иногда можно было краем глаза заметить маленькую фигурку – мелькнули растрепанные волосы, и вот она уже исчезла. Но почему-то ни разу не получалось увидеть, как она возвращается. Прежде Стивенсы время от времени заглядывали к ней в

гости, но она приходила в такое волнение, так радовалась и говорила так быстро – а иногда даже смеялась и плакала, – что их визиты становились все менее регулярными. В конце концов Стивенсы стали встречаться с миссис Хейкин только для того, чтобы поручить ее заботам канарейку; они посылали к ней кого-то одного, и эти встречи были настолько редкими, что казались еще тягостнее.

Карандаш мистера Стивенса завис над листом бумаги.

– Мэри? Мэри помрачнела. После долгого и утомительного дня она вернулась бледной и уставшей. Все утро она лихорадочно работала, чтобы потом выкроить немного свободного времени и навести порядок в мастерской. Но после обеда произошла неприятность. Неожиданно явилась одна из покупательниц и потребовала срочно переделать платье, которое она хотела надеть вечером, так что Мэри два часа просидела над этим ненавистным платьем, прекрасно понимая, что никакие переделки в мире не улучшат бесформенную фигуру его обладательницы.

Хотя Мэри изредка разрешали обслуживать покупателей в маленьком зале ателье мадам Люпон на Кингс-роуд, почти все время она проводила в невзрачной задней комнатке с высоким окном, выходящим на рифленую железную стену гаража. Солнце в эту комнату никогда не заглядывало, но небо временами сияло такой белизной, что у нее болели глаза. Она ужасно устала за день. Почему именно ей придется относить Джо и выслушивать миссис Хейкин? Почему не...

Она покосилась на мать, которая сидела, сложив руки на коленях и глядя в камин, и заметила, что палец у нее перевязан обрывком тряпки. Должно быть, порезалась, пока готовила ужин, а никто и не заметил. Мэри поглядела в окно. Солнце почти скрылось за Железнодорожной насыпью, и небо было безоблачным; через неделю ее руки станут смуглыми, и что-то в ней внезапно вздрогнуло и затрепетало. Она посмотрела на отца с улыбкой.

– Хорошо. Я отнесу Джо. Мистер Стивенс вздохнул с облегчением и поставил галочку.

– Спасибо, Мэри. Третье. Пушок. Приоткрыть окно на кухне возле раковины. Попросить миссис Буллевант через день давать ему молоко, а в понедельник и четверг – копченую рыбу.

Мистер Стивенс молча посмотрел на жену, и миссис Стивенс с бьющимся сердцем подняла глаза.

– Еще нет. Я... э-э... сегодня я не видела миссис Буллевант. Ее не было дома. Я думала, мы скажем ей, когда с утра отдадим ключ.

Брови мистера Стивенса слегка приподнялись.

– Разве это не рискованно? – спросил он. – А вдруг она захочет о чем-нибудь поговорить? Обсудить подробности? У нас будет мало времени.

Миссис Стивенс быстро перевела взгляд на мужа и снова на камин.

– Тогда я... я сейчас схожу.

– Сейчас уже слишком поздно. Придется рискнуть. Миссис Буллевант жила напротив, а ее муж был отставным полицейским – идеальная пара, которой можно доверить ключ. Стивенсы просили кого-нибудь из Буллевантов каждый день заглядывать к ним, проверять, все ли в порядке, пересылать в Богнор приходящие на их имя письма, наклеивая на них по три марки за полпенни каждая, и присматривать за Пушком. Взамен Буллеванты брали себе ревеня и стручковую фасоль, которые созревали, пока Стивенсы были в отъезде.

Договорившись с соседями, Стивенсы почувствовали себя намного счастливее. Авторитет отставного полицейского внушал им уверенность, и к тому же Буллеванты жили напротив: значит, дом Стивенсов под надежным присмотром.

Раньше обязанности Буллевантов выполняла миссис Джек. Но до Стивенсов доходили неприятные слухи, что миссис Джек съедает рыбу сама и отдает коту шкурку. Возможно, это были злые сплетни, но они поступали из нескольких источников, и Стивенсы обрадовались, когда напротив, в доме номер двадцать три, поселились Буллеванты.

– Не забудь, – предупредил мистер Стивенс, неохотно ставя галочку. – И напомни ей об окне на кухне.

Он снова посмотрел на листок.

– Четвертое. Торговцам сказать, чтобы не приходили. Кроме молочника – от него полпинты каждый день.

Миссис Стивенс с облегчением подняла глаза.

– Да. Я их предупредила сегодня утром.

– Ты договорилась с “Джонсонс”, чтобы для нас отложили “Семейное садоводство”?

– Да. От доставки утренних газет они, конечно, отказывались, но просили придержать для них еженедельный выпуск “Семейного садоводства” и принести оба номера после их возвращения, потому что мистер Стивенс предпочитал иметь всю подшивку.

– Пятое. Перекрыть газ.

– Сделаю, – сказал Дик.

– Утром сразу после завтрака.

– Сделаю, – повторил Дик. Мистер Стивенс поставил галочку.

– Шестое. Спрятать серебро. (Серебро было общим понятием, включавшим в себя посуду от “Маппин и Уэбб”², чернильный прибор, который футбольный клуб подарил мистеру Стивенсу на свадьбу, и несколько чашек с блюдами, которые Дик получил в качестве приза, выиграв школьный забег.)

– Так, – сказал мистер Стивенс. – Это сделаю я. Потом он зачитал еще несколько мелких поручений, которыми, как подсказывал им опыт, нельзя было пренебрегать. Вытащить из ванны пробку, потому что кран подтекает; выбросить скоропортящиеся продукты; закатать край ковра, чтобы отодви-

² Фирма “Маппин и Уэбб” знаменита своими столовыми приборами, которые отличались особенно высокой прочностью, поскольку на них наносилось три слоя серебра и дополнительный защитный слой, предохраняющий края от сколов.

нуть его от французских окон, потому что в комнату иногда попадает дождь. Каждому члену семьи досталось по одной из этих обязанностей.

– И наконец, – сказал мистер Стивенс, – общие распоряжения. Райслип придет за багажом в 9.15. Давайте соберем все к девяти часам. Так мы сможем избежать лишних хлопот и суеты. Поезд отправляется из Далиджа в 9.35. Значит, из дома надо выйти самое позднее в 9.20 – чтобы у нас было время занести ключ. На Клэпем-джанкшен мы будем в 10.02. Платформа два. Поезд с главного пути отправляется в 10.16. Платформа восемь.

Сердце миссис Стивенс слегка затрепетало. Два и восемь – как небрежно он это прочитал, как просто это звучало – если бы цифры два и восемь не означали платформы на Клэпем-джанкшен!

– Как ты думаешь, – пробормотала она, – не сесть ли нам на более ранний поезд из Далиджа? Тогда у нас будет десять лишних минут на пересадку.

На лице мистера Стивенса отразилось удивление и легкая досада: разве может его тщательно продуманный план вызывать сомнения? Медленно, как будто его жена была глуповата, он произнес:

– Но у нас есть четырнадцать минут.

– Да, но...

– Да хватит нам времени, мам, хватит! – вставил Дик.

Миссис Стивенс опять перевела глаза на бумажный веер

в камине.

– Хорошо. Раз вы так думаете... И зачем она вообще заговорила? Она же знала, что это бесполезно. Знала, что мужу и детям нравятся острые ощущения, когда время поджигает...

Совещание закончилось. Мистер Стивенс сложил листок и встал.

– Думаю, на этом все, – сказал он. Все разом встали. Миссис Стивенс и Мэри пошли на кухню мыть посуду. Дик поднялся в свою комнату собирать вещи. Эрни дремал на диване, а его ведро и лопатка ждали утра в углу.

В комнате уже темнело, но мистер Стивенс не стал включать свет. Он стоял на коврике спиной к камину, широко расставив ноги и глядя в окно на угасающий закат.

Потом он подчеркнуто неспешно двинулся из комнаты по коридору к двери, вышел на улицу и, обогнув дом по боковой дорожке, отправился в сад. Туда можно было выйти через французское окно, но он предпочитал другой путь: если бы он открыл окно, Эрни или Пушок пошли бы следом, а он хотел побыть один, чтобы насладиться последним сумеречным часом самого счастливого вечера в году.

Глава III

В сумерках сад выглядел лучше всего. Резкие очертания окружающих предметов сглаживались, становились мягче. В это время Железнодорожная насыпь за низким забором представляла почти что зеленым берегом канала, а телеграфные столбы – стройными тополями, окаймляющими поросшую травой дорожку вдоль воды.

Сад номер двадцать два на Корунна-роуд был не слишком велик. Как и другие сады по соседству, он был шириной в шестьдесят футов и длиной в сто восемьдесят – от парадных ворот до забора со стороны железной дороги. Но в сумраке его границы как будто раздвигались и смутно напоминали увитые плющом стены винного цвета, которые очень нравились мистеру Стивенсу.

Он остановился на лужайке, снова зажег трубку и аккуратно затушил спичку, воткнув ее головкой вниз в траву. Свежо и прохладно пахнуло влажным дерном. Над железной дорогой еще брезжило слабое свечение, но наверху небо уже потемнело, и на нем появились звезды.

Со стороны насыпи донесся слабый рокочущий звук – ту-ду, ту-ду, – возвещающий о приближении поезда.

Звук этот стал громче, захлестнул его бешеной волной, пронесся мимо и растаял вдали. За поездом взвился и мягко спланировал вниз клочок газеты – темное пятнышко на фоне

угасающего заката.

Когда мистера Стивенса окружили гул и грохот, на его лбу пролегли морщинки, но, когда все стихло, они разгладились. На мгновение перед его глазами пронеслись ярко освещенные, заполненные людьми вагоны. Раздался гудок, и все опять умолкло. Казалось, с наступлением тишины темнота внезапно сгустилась на целый тон.

Мистер Стивенс вытащил трубку изо рта и полной грудью вдохнул вечерний воздух. Прохладный, свежий воздух – именно таким он будет дышать весь день напролет в течение целых двух восхитительных недель. Он уже чувствовал себя лучше: легкие освобождались от затхлости рабочего кабинета, а ноги, казалось, набирались сил для ходьбы по холмам.

Не то чтобы мистер Стивенс был чересчур сентиментален – пожалуй, не больше среднего. Просто он научился оживлять серые будни, раскрашивая в календаре красным любой мало-мальски достойный этого день.

Он делал это совершенно интуитивно, совершенно неосознанно, потому что уж кто-кто, а он-то ни за что бы не счел свою жизнь серой. Пожалуй, справедливее было бы сказать, что он обладал талантом устраивать особенные дни, которые так укрепляют отношения в семье.

В этих днях было даже что-то от ритуала – ритуала, объединяющего все семейство и в мыслях, и в делах.

Сочельник, Духов день, банковские каникулы в августе, дни рождения домашних – все это сверкало беззаботным

ярко-алым цветом. Канун Нового года и канун Отъезда были отмечены более приглушенным и задумчивым красным: первый потому, что он робко призывал к пробуждению угасающих надежд, а второй потому, что он предвещал повторяющийся каждый год всплеск эмоций, которые мистер Стивенс никогда не пытался, да и не хотел ни исследовать, ни понимать.

В отпуске человек становится таким, каким он мог бы быть, каким он сумел бы быть, если бы вышло немного иначе. В отпуске все равны, все могут строить воздушные замки, не задумываясь о расходах и не обладая архитектурными талантами. С замками, созданными из столь тонкой материи, нужно обращаться благоговейно и укрывать их от резкого света грядущей недели.

Он медленно брел по дорожке, посыпанной гравием, одной рукой придерживая трубку у рта, а вторую спрятав в карман. Он миновал до неузнаваемости разросшуюся сирень – десять лет назад, весной, он сажал ее совсем молодым кустиком высотой по пояс. На клумбе вдоль забора справа цветы глубоких оттенков в угасающем свете дня превратились в пятна сумеречной, расплывчатой тени, и только более бледные цветы – вечерняя примула и табак с его нежным, неуловимым ароматом – еще слабо светились в темноте.

В дальнем правом углу были высажены ромашковые астры – очень пышные в этом году. Вдоль низкого забора со стороны насыпи росла стручковая фасоль, перед ней – ревень.

Они были не так хороши, как обычно. За ними следовали мангольд и квадратная грядка петрушки.

Он вспомнил часы, проведенные в саду с прошлогоднего Отъезда: торопливые осенние вечера, сопротивлявшиеся вторжению ночей; унылые зимние дни, когда в четыре часа в освещенной огнем камина столовой его ждал чай; дышавшие свежестью весенние субботы, когда почти в каждом саду по всей Корунна-роуд то и дело мелькали чьи-нибудь головы; летние дни, когда он отдыхал на улице в одной рубашке и вставал только для того, чтобы передвинуть шезлонг в тень сирени. С того вечера накануне прошлого Отъезда произошло много событий. Дик окончил школу и устроился на работу, они нашли другого молочника, Эрни переболел ветрянкой. Удивительно, сколько всего может случиться, не потревожив покоя Корунна-роуд.

Он снова зажег трубку и неторопливо двинулся дальше, к настоящей достопримечательности сада – скрюченной яблоне, стоявшей, как часовой, у забора слева.

Такие старые яблони, корявые, почерневшие, сухие и почти уже не приносявшие плодов, росли еще в двух-трех садах на Корунна-роуд. Большинство жителей срубили их и посадили новые, молодые деревца, но свою яблоню мистер Стивенс решил не трогать.

Ему было свойственно глубокое уважение к прошлому, почтительное отношение к тому, что со временем преисполняется силы и достоинства. Судя по всему, здесь дав-

ным-давно был разбит огромный яблоневый сад: у миссис Блэйни, которая жила через дорогу, в доме номер пять, тоже росла такая яблоня. У мистера Шеперда из дома номер восемнадцать остался только пень, в котором проделали углубление, чтобы насыпать туда земли и поставить горшок с геранью.

Из поезда он видел такие же старые деревья, растущие то тут, то там по другую сторону Насыпи, а значит, сад наверняка был здесь еще до того, как появилась железная дорога.

Из яблонь уцелела в лучшем случае каждая сотая, и о том, что когда-то давно за ними ухаживали, свидетельствовали выцветшие полосы побелки вокруг стволов. Оставшиеся в живых деревья, которые прежде росли стройными рядами, теперь одиноко возвышались в самых неподходящих местах по прихоти того, кто тридцать лет назад решил проложить через яблоневый сад дорогу.

Мистер Стивенс посмотрел на сухие черные ветви. Дыхание ветра разбудило сирень, и она встрепенулась, но яблоня, казалось, была такой дряхлой и усталой, что даже не могла зашелестеть листвой.

Он протянул руку и погладил корявый ствол. Ему даже немного захотелось, чтобы кто-нибудь распорядился срубить это дерево, и тогда он бы воскликнул: “Дровосек, дровосек, пощади же его!”, как человек на картинке в комнате Мэри.

У него было такое чувство, будто он понимает яблоню,

а яблоня понимает его, будто она благодарна ему за сочувствие ее одиночеству. Иногда он мысленно возвращался на много лет назад и представлял яблонево́й сад, каким тот был еще до появления железной дороги и домов.

Но сейчас не до раздумий о прошлом. Уже завтра в это самое время он будет прогуливаться по набережной под приятную музыку: ноздри дразнит запах моря, впереди две недели абсолютной свободы.

Он резко отвернулся от яблони, оставив ее дремать в одиночестве. Окно Мэри зажглось, и в квадрате света по задернутым шторам проплыла тень ее головы. Видимо, она домыла посуду и пошла укладывать вещи.

Как же все это восхитительно! Они опять поедут отдыхать всей семьей, хотя Дик и Мэри вскользь намекали, что хотели бы провести отпуск с друзьями. Слава богу, дальше разговоров не зашло!

Какой же веселый переполох настанет утром! Мистер Стивенс, позабыв всяческое достоинство, протанцевал круг вальса прямо на лужайке, потом остановился и опасно оглянулся на французские окна – не увидел бы Эрни.

На мгновение в его ликующем воображении промелькнули солнце и песок, галдящие и плещущиеся в море люди, блестящие скалы и холмы, разгулявшийся аппетит...

А самым восхитительным было то, что он уже наслаждался отдыхом, который еще не начался! Бухгалтерские книги и чернильницы остались в прошлом – ручки он уже перевя-

зал резинкой, убрал в стол и с грохотом задвинул ящик, – а открывавшееся перед ним будущее дышало свежестью и вельем.

Негромко насвистывая, он направился ко входу в сарай рядом с кухонной дверью. Надо было раньше это сделать, пока еще не так стемнело. Он чиркнул спичкой и в ее свете осмотрел садовые инструменты, ровным рядом стоящие вдоль стены. Он почистил и смазал их еще прошлым вечером, чтобы сэкономить время.

Все было в порядке. Он вышел и запер дверь. Он всегда испытывал острую и нелепую грусть, когда каждый год перед отъездом запирает сарай – казалось, что он бросает старых друзей ради случайного знакомого, который ослепил его своим ветреным блеском, но знакомый этот через две недели и думать о нем забудет, а преданные друзья останутся. Он едва было не отпер дверь, чтобы еще разок заглянуть внутрь, убедить их, что все в порядке и он вернется, однако отбросил эту глупую мысль, вышел в решетчатую боковую калитку и вернулся в дом прежней дорогой – через парадную дверь и дальше по коридору.

Свет уже горел во всем доме, но это был особый вечер. Дик встретил его в прихожей со связкой тростей и зонтиков – согласно “Списку очень важных дел”, собирать их входило в его обязанности.

Эрни отправили спать. Он крепко прижимал к себе лопатку и ведро – как только начались сборы, он не выпускал

их из виду.

– Дик! – позвала Мэри, наклонившись через перила. – Иди помоги мне с сумкой!

Миссис Стивенс все еще хлопотала на кухне. Мистер Стивенс заглянул туда, чтобы повесить на крючок ключ от сарая, и увидел на столе вареную говядину, буханку хлеба, горчицу и масленку – все было приготовлено заранее для утренних сэндвичей. Рядом стоял термос.

Он зашел в столовую и снова встал спиной к камину. На подоконнике лежал его рюкзак с подзорной трубой, картой Богнора и окрестностей и личным дневником. Он улыбнулся и сунул большие пальцы в карманы жилета. Он чувствовал удовлетворение освободившегося от забот человека, который так хорошо все устроил, что сумел обуздать время. Блестящая это все-таки была идея – составить “Список очень важных дел”. Никакой сумасшедшей беготни, никакого лихорадочного волнения, никаких восклицаний: “Где фотоаппарат?” или “А щетку для одежды кто-нибудь положил?” Нет, теперь с бесцельной суетой покончено, и все обязанности четко распределены.

– Папа! – крикнула Мэри сверху.

– Да?

– Поднимись сюда на минутку!

– Что такое?

– Так, пустяки. Подойди! Мистер Стивенс поднялся наверх и прошел следом за Мэри в комнату Дика, окно кото-

рой выходило на Корунна-роуд. Мэри подвела отца к окну и отодвинула штору.

– Погляди! – сказала она. Полная сияющая луна уже поднялась высоко в небе. Она висела над далеким Хрустальным дворцом, почти над самой его серединой. Башни были погружены в темноту, но куполообразная крыша в лунном свете сверкала тысячей холодных серых огоньков. Мокрые кровли на противоположной стороне дороги мягко поблескивали, а деревья за ними казались густо-черными на фоне стальной синевы неба.

Нечасто мистеру Стивенсу доводилось наблюдать настолько прекрасное зрелище.

– Разве не чудесно увидеть такую луну перед самым отъездом? – воскликнула Мэри.

– Хороший знак, – пробормотал мистер Стивенс. Дик, уже полюбившийся видом, возился у кровати. Он успел переодеться в серые фланелевые брюки и синий пиджак спортивного покроя – этот наряд он наденет утром – и теперь аккуратно складывал синий саржевый костюм, в котором ходил на работу и который начал заметно лосниться на правом рукаве, в том месте, где ткань терлась о стол.

Глава IV

Мистер Стивенс некоторое время лежал и разглядывал полоску света, просачивающуюся между штор в окно его спальни. Яркость этой полоски вселяла в него большие надежды, но он знал, до чего она может быть обманчива. Он помнил дождливые утренние часы, когда небо блестело и яркий свет проникал сквозь шторы, но стоило их раздвинуть, и он с изумлением обнаруживал, что на улице моросит безжалостный дождь.

Он прислушался, но не различил стука капель и воспрял духом. Будет просто замечательно, если с погодой повезет.

В некотором смысле, раз уж без дождя не обойтись, то, конечно, лучше бы он пошел в день отъезда, а не когда они уже будут на море, потому что значительную часть этого первого дня они проводят на станциях и в поезде. И все же было что-то чудесное в том, чтобы отправиться в путь в ясную погоду и разглядывать из окон вагона купающиеся в солнечном свете пейзажи.

Порыв ветерка колыхнул шторы, и его надежда сменилась уверенностью – никакой дождь по стеклу не шуршал. Он вскочил с кровати, раздвинул шторы и расплылся в улыбке. Он не мог припомнить, чтобы день отъезда хоть когда-нибудь был таким превосходным. В прошлом году порывистый и капризный ветер гнал по небу тяжелые тучи, но на сей

раз утро выдалось восхитительно тихим; лужайку окутывала тонкая дымка, а небо было прозрачно-голубым. Ранние лучи солнца, пробивающиеся между домами, озаряли листья яблони нежным сиянием.

Какой удачный день для начала отпуска!

Он снова забрался в постель и заложил руки за голову, чтобы лучше видеть небо через открытое окно. Жаль, что солнце не заглядывало в его комнату по утрам, но все-таки задняя половина дома нравилась ему больше. Шум поездов досаждал ему гораздо меньше, чем случайные, отрывистые звуки, которые доносятся с улицы со стороны фасада, когда люди, смеясь и болтая, возвращаются домой поздно вечером.

За окном пролетел поезд. Ему с кровати видны были только крыши вагонов. Бедолаги! Ехать в Лондон – в такую-то рань!

Он вытянулся во весь рост, так что ступни слегка свесились с кровати, согнул одну ногу и ощупал икру. Мышцы были довольно крепкими, и это при том, что он почти не упражнялся, но еще несколько дней – и после хождения по холмам они станут тверже железа!

Было всего без пятнадцати семь – времени останется еще полно, даже если он встанет через полчаса. Он умиротворенно повернулся на бок, чтобы еще немного подремать, но сон уже прошел, и к тому же он был слишком взволнован. Поэтому он просто лежал и думал.

Неожиданно ему пришла в голову одна мысль. Он соско-

чил с кровати и надел тапочки и халат. Бесшумно открыв дверь, он тихонько спустился на кухню и поставил чайник. Он принесет им всем чаю. Блестящая идея! Блестящее начало дня! Он в тревоге прислушивался – не проснулся ли кто-нибудь, пока чайник еще не вскипел, не пришла ли кому-нибудь еще та же самая идея. Ему хотелось пробраться к ним в комнаты и по очереди разбудить их. Ему хотелось, чтобы день Отъезда начался для них с чашечки горячего чая; хотелось подойти к каждому окну, отодвинуть шторы и воскликнуть: “Смотри!” – когда в комнату заструится солнце.

Пока закипал чайник, он провел опыт со шторами в столовой и тут вспомнил кое-что еще. Бесшумно, как кот, он прокрался наверх и взял вставную челюсть. Он хотел улыбнуться каждому из них.

Несколько минут спустя, с подносом в руках, он тихо поднялся обратно, поставил поднос на площадку лестницы, осторожно открыл дверь в спальню жены и на цыпочках прокрался внутрь. Свет в комнате был мягким и приглушенным. К счастью, шторы были задернуты. Его жена спала на старой двуспальной кровати с металлическими спинками и латунными шариками по углам. Кровать эта была одной из первых вещей, купленных ими после свадьбы, но теперь пружины потеряли упругость и сильно продавливались под миссис Стивенс. Сперва он видел только розовую макушку ночного чепчика, но, когда он легонько потряс жену, она потянула одеяло вниз и, что-то невнятно промычав, перевернулась

на спину. Несколько секунд глаза ее невидяще блуждали по сторонам, а потом остановились на мистере Стивенсе и широко распахнулись от ужаса. Она подскочила, как испуганный кролик, и попыталась выбраться из кровати.

– Боже! Я не видела, который час! Он улыбнулся и успокаивающе вскинул руку.

– Все хорошо, не волнуйся, еще нет и семи... На нее нахлынули сильнейшее облегчение и чувство благодарности. Как было бы ужасно, если бы она проспала – и не когда-нибудь, а в этот самый день! – и опоздала с завтраком, и все бы страшно торопились и сердились! Она приподнялась на локте, и тут ее взгляд остановился на чашке чая.

Мистер Стивенс торжественно поставил ее на маленький круглый столик возле кровати.

– Я решил, что тебе будет приятно, – сказал он. Миссис Стивенс лишилась дара речи, и у нее вырвался беспомощный смешок.

– О Эрнест! Ей-бо-огу... Она не находила слов, чтобы выразить свои чувства. Эрнест не приносил ей чаю в постель уже очень давно. Уже много-много лет.

Он подошел к окнам, церемонным жестом раздвинул шторы и взмахнул рукой, как фокусник. Комнату мгновенно залило солнечным светом.

– Как тебе утро? – сказал он. Миссис Стивенс отчаянно пыталась не жмуриться на ослепительном свете. Через несколько мгновений она воскликнула: “Какая красота!” –

и медленно повернулась к чашке с чаем, вызывавшей у нее куда больше восторга, чем солнечный день. – Как это мило, Эрнест – ей-бо-огу...

Он широкими шагами направился к двери.

– Не торопись. Можешь еще полчаса полежать. Позавтракаем в восемь, и у нас останется еще полно времени, если все вещи собраны.

Он вышел. Миссис Стивенс села и, не переставая изумляться, отпила глоток чаю. Он был очень горячим и довольно слабым, да еще и выплеснулся на блюдце, но – подумать только, чтобы Эрнест так о ней заботился!

Дик уже проснулся, когда мистер Стивенс вошел к нему в комнату с чаем. Он раздвинул шторы и теперь лежал на кровати, как недавно лежал и его отец, – заложив руки за голову и глядя в небо через окно. Эрни крепко спал в своей маленькой кровати в углу, но его мистер Стивенс будить не стал. Для Эрни он чая не приготовил.

Мэри еще дремала. Ее комната располагалась с торца, и окно выходило на стену дома номер двадцать четыре. По утрам здесь бывало довольно темно, поэтому солнце ее не разбудило.

– Ой, папа! – воскликнула она, садясь на постели и увидев чай. – Как неожиданно!

Мистер Стивенс вернулся к себе в комнату, очень довольный результатом своей затеи. Он направился в ванную, включил колонку и принялся бриться. Он слышал, как раз-

носчик газет прошел через палисадник к двери и шлепнул газету на порог. Он видел, как почтальон остановился у ворот, пролистал пачку писем и двинулся дальше. Жаль, что он не зашел. Было бы неплохо получить сегодня утром письмо – неожиданное, приятное письмо от полузабытого старого друга, которое он мог бы открыть и прочитать в поезде, если бы напротив сидел кто-нибудь, на кого стоило произвести впечатление. Но так уж ли это важно? Разве этого дня и солнечного света недостаточно? Разве недостаточно веселья и радостного волнения?

Он быстро сполоснул мыльную пену и вернулся в комнату, чтобы одеться. Он натянул фланелевые брюки и рубашку для крикета. До чего хорошо в свободной одежде – сегодня утром никаких жестких воротничков. Конечно, в поезд он повяжет галстук, но уж на море будет ходить с открытой шеей.

Потом он надел твидовую куртку с поясом и коричневые ботинки на толстой подошве и, насвистывая, спустился вниз. Приятно было слышать, как стучат по ступеням каблуки.

Миссис Стивенс уже оделась и хлопотала на кухне. Она поставила вариться яйца и теперь как раз выносила на порог белые летние туфли Эрни. Она забыла начистить их накануне вечером, но на таком жарком солнце они быстро высохнут.

Стол накрыли прямо на кухне, чтобы сэкономить время. Ели, конечно, наспех, потому что всем не терпелось наконец

собрать вещи. На завтрак были вареные яйца и хлеб с маслом, потому что они легко усваивались и не надо было возиться с мытьем посуды. – Надеюсь, Райслип не опоздает, – пробормотал мистер Стивенс, очищая яйца.

Райслип – пожилой носильщик, ежегодно отвозивший их багаж на станцию, – забирал вещи, шел с ними до платформы и там наклеивал на них бирки, проделывая все это с мучительной неспешностью, которая невероятно раздражала все семейство. Смочив каждую бирку, он выдерживал паузу и вглядывался вдаль – не идет ли поезд, – а Стивенсы стояли рядом в страшном волнении. Наконец, пока он убеждался, что поезда не видно, бирка успевала скрутиться и прилипнуть к его пальцам, что вызывало еще больше лихорадочно-го нетерпения и проволочек.

Каким-то чудом ему всегда удавалось наклеить последнюю бирку до появления поезда, но мистер Стивенс ему не доверял. Он начинал беспокоиться и посматривать на дорогу задолго до того, как Райслип должен был подойти к воротам.

А вдруг Райслип заболел и забыл порекомендовать их багаж другому носильщику? Страшно даже подумать об этом! И все-таки переживать заранее не имело смысла: до его прихода оставалось еще около получаса.

За завтраком много веселились и шутили, но причиной этому было по большей части скрываемое волнение: у миссис Стивенс то и дело вырывался нервный и напряженный смешок, а мистер Стивенс украдкой поглядывал на часы.

Мэри молчала, потому что ее ждала обязанность – обязанность, которую она ненавидела. Она доела завтрак раньше остальных и встала из-за стола. – Пойду отнесу Джо к миссис Хейкин, – сказала она.

– Мы спустим твою сумку в прихожую и все подготовим, – сочувственно отозвался мистер Стивенс. Он понимал, как это трудно.

Мэри вошла в столовую. Клетка с Джо ждала ее на столе, его ванночка, корм и панцири каракатицы были уже упакованы и лежали рядом. Мистер Стивенс принес клетку со второго этажа и все собрал еще до завтрака.

Мэри ненавидела не само расставание с Джо, а необходимость идти к соседке. Ей стало бы легче, будь миссис Хейкин неприятной и угрюмой маленькой старушкой. Она бы даже предпочла, чтобы это было именно так; тогда она могла бы просто вручить ей канарейку, как посылку, и сразу же уйти. Но деваться было некуда. Она накрыла клетку зеленым сукном, подняла ее за кольцо и направилась по коридору к двери.

Глава V

Мэри надеялась, что никто из соседей не увидит, как она несет клетку. Стивенсы были людьми застенчивыми и скромными, и им не хотелось, чтобы об их личных делах знала вся Корунна-роуд.

До ворот миссис Хейкин было всего несколько ярдов. Проходя мимо короткого участка лавровой изгороди перед домом, Мэри краем глаза увидела миссис Хейкин, которая выглядывала из-за занавески в гостиной, но стоило ей посмотреть на окно, как голова миссис Хейкин дернулась и исчезла.

Мэри вошла в ворота, приблизилась к двери и постучала, но из коридора уже слышались глухие торопливые шаги.

Дверь резко открылась, однако через несколько дюймов заскрежетала и, вздрогнув, остановилась. Мешала цепочка – миссис Хейкин забыла ее снять. Раздалось слабое перепуганное “Ой!”, и дверь снова захлопнулась, а за ней продолжалась беспокойная возня.

Мэри ждала с упавшим сердцем. Она знала, что миссис Хейкин после такого неприятного происшествия разволнуется, растеряется и по меньшей мере пять минут будет объясняться, но заставила себя улыбнуться.

Наконец дверь распахнулась, и появилась покрасневшая миссис Хейкин, которая рассыпалась в бурных извинени-

ях. Она говорила быстро, время от времени нервно хихикая.

– Ой, простите, пожалуйста, мисс Стивенс! До чего же это было глупо! Я готова поклясться, что снимала цепочку. Всегда первым делом ее снимаю, когда утром спускаюсь вниз. Это все, должно быть, из-за спешки. Дело не в том, что я разволновалась, – просто память у меня никудышная. Ну, заходите же! Чудесный день сегодня, правда?

Последнее слово взвилось тоненьким запыхавшимся фальцетом. Мэри последовала за миссис Хейкин по коридору. Ее дом был точь-в-точь таким же, как их собственный, – вплоть до мельчайших деталей, даже до матового узора на стекле над входной дверью. Но как разительно они отличались!

На вешалке около двери Стивенсов всегда висела целая куча одежды: всевозможные пальто, макинтоши и шапки – от летней шляпы мистера Стивенса до синей в полоску школьной кепки Эрни. В прихожей у миссис Хейкин была такая же вешалка, как и у них, но насколько иначе она выглядела! На одном крючке болталась одинокая причудливая шляпка, на другом – серый шерстяной шарф, а все остальные пустовали. Мэри не могла припомнить, чтобы у них в прихожей хоть раз оставался пустой крючок: если снять пальто, под ним всегда оказывалось что-нибудь еще.

Заходя к Стивенсам, вы всегда чувствовали теплый запах жилого дома – запах табака, готовящейся еды, мятных леденцов Эрни. У миссис Хейкин было намного опрятнее, но,

несмотря на безупречную чистоту, здесь слабо, едва уловимо пахло затхлостью, а когда дверь на улицу закрывалась, неприветливая замкнутость дома вызывала странное чувство, будто вы попали в заточение.

Миссис Хейкин поспешно вошла в гостиную, возбужденно разговаривая через плечо с Мэри, наткнулась на стул и чуть не упала. Она пронзительно рассмеялась и быстро отодвинула стул к стене, машинально погладив рукой кожаную обивку. Потом едва ли не бегом обошла стол и выдвинула кресло для Мэри.

– Садитесь же, мисс Стивенс! Или, может, вы хотите сесть в тени? Солнце и вправду очень яркое. А знаете что? Я сейчас шторку немного задерну – вот так! Теперь вам не будет светить в глаза!

– Мне нужно бежать, – сказала Мэри. Миссис Хейкин вдруг замолчала. Мэри впервые услышала медленное, тяжелое тиканье мраморных часов на каминной полке. Когда старушка заговорила снова, ее голос зазвучал совсем иначе. Он стал мягким и ласковым, будто она обращалась к тяжело больному.

– Я понимаю. Вам сегодня, должно быть, тяжело приходится – столько всего надо успеть. Но, может, вы посидите у меня *чуть-чуть* – совсем недолго?

Она даже не взглянула на покрытую сукном клетку с молчаливой канарейкой; ее круглые блестящие глаза безотрывно смотрели на Мэри.

– Мне нужно идти уже через пять минут, – сказала Мэри, ставя клетку на стол.

Миссис Хейкин снова приободрилась и оживилась; она усадила Мэри в кресло, пододвинула себе маленький стул с прямой спинкой и села, положив одну руку на стол, а другую – на колени. Она оказалась прямо напротив Мэри и глядела на нее, расплываясь в улыбке.

– Ну хорошо! Пять минут так пять минут. Но расскажите же мне все. Как это восхитительно – уезжать! – Последние слова обожгли Мэри, как удар плетью, потому что в них не было ни тени зависти. Миссис Хейкин говорила мягко и доброжелательно.

Вот уже шесть лет, когда Стивенсы были в отъезде, миссис Хейкин присматривала за канарейкой. Вот уже шесть лет, насколько Стивенсы знали, сама она никуда не ездила. Отпуск Стивенсов стал и ее отпуском: она проживала каждое его мгновение в своем маленьком домике на Корунна-роуд. Скоро она будет наблюдать за тем, как они идут на станцию. Только увидев проезжающий поезд и убедившись, что они на него успели, она примется за собственные дела. Она всегда надеялась, что кто-нибудь из них помашет ей из окна.

Миссис Хейкин мысленно следила за каждым этапом их путешествия. “Сейчас они должны быть на Клэпем-джанкшен. – К этому времени они уже сели на другой поезд. – Они вот-вот приедут”, – думала она, устраиваясь на диване, чтобы отдохнуть после обеда.

Будь Мэри непонятлива, она бы сочла захлебывающийся поток вопросов миссис Хейкин проявлением чрезмерного любопытства, даже бесцеремонности, но она смутно понимала, в чем дело. Она знала, что в эти короткие мгновения миссис Хейкин собирает драгоценные семена, которые скрасят скудным урожаем ее бесплодное одиночество, поэтому отвечала на вопросы с энтузиазмом, добавляя в свой рассказ как можно больше красочных и интересных подробностей.

Как-то в воскресенье много лет назад миссис Хейкин побывала в Богноре и чудесно провела время на пляже. Через пару дней после своего приезда Стивенсы всегда отправляли ей цветную открытку, стараясь непременно выбрать картинку с обширной панорамой города, чтобы миссис Хейкин вспомнила собственную поездку. Они очень осторожно подбирали слова и никогда не писали на открытке: “У нас все замечательно”, опасаясь, что это огорчит миссис Хейкин и вызовет у нее зависть. Они почти радовались, когда погода позволяла им написать, что было холодно или шел дождь, даже не осознавая, что пасмурные дни в Богноре расстраивали миссис Хейкин, которая ничего так не любила, как наслаждаться отраженным солнечным светом их отпуска.

Мэри не терпелось уйти и снова оказаться на солнце. Она разглядывала маленькую комнатку – такую же, как их собственная гостиная. Обои здесь были ярче, чем у них в доме – розовые розы, увивающие голубые шпалеры, – и тем не менее все вокруг, как ни странно, казалось холодным и мерт-

ВЫМ.

В одном углу Мэри увидела вплотную придвинутое к стене пианино с закрытой крышкой. На нем лежала большая кружевная салфетка, на которой стояла ваза с сухим папоротником и две фотокарточки в серебряных рамках; на одной был молодой человек с круглым, как луна, лицом и пустым взглядом, на другой – сидящая на скамье с веером в руках молодая женщина, чьи волосы были стянуты в тугий пучок.

На ореховой этажерке в углу у камина красовалась фарфоровая кошка, несколько маленьких, похожих на ракушки чашек с блюдцами и шесть фарфоровых безделушек с гербом и надписью “Подарок из Богнора” внизу – коллекция, ежегодно пополняемая Стивенсами в качестве небольшого вознаграждения за заботу о канарейке. Рядом с этими вещами лежал нелепо смотревшийся на их фоне шарик, поблескивающий на солнце и словно покрытый инеем. Он когда-то украшал рождественскую елку в Маклсфилде, в доме замужней дочери миссис Хейкин, куда ее несколько лет назад приглашали на Рождество.

Над камином висела огромных размеров фотография в рамке из черного дерева. На ней были запечатлены голова и плечи мужчины средних лет со взбитыми надо лбом и зачесанными назад волосами; его длинные густые усы сужались к кончикам и таяли в тумане из-за эффекта увеличения.

Плечи и грудь были размытыми, и портрет напоминал

бюст, зависший в пустоте, хотя шея мужчины была затянута в низкий и жесткий отложной воротник, туго опоясанный небольшим галстуком-бабочкой.

В этой фотографии было что-то пугающее. Она как будто заполняла собой всю гостиную. Уже потом, расставшись с миссис Хейкин, Мэри часами не могла забыть тяжелые веки, нависшие над безнадежно тусклыми глазами, и вялый гладко выбритый подбородок. Ей было трудно поверить, что это лицо когда-то принадлежало живому человеку, который улыбался, хмурился или разговаривал, хотя один раз по странной прихоти воображения она представила, как двигаются его челюсти, когда он медленно ест сливу, и как щеки слегка надуваются, чтобы выплюнуть косточку.

Казалось, именно гипнотическое воздействие этого лица превращает гостиную в неприветливую, пропитанную затхлостью комнату; казалось, оно служит бальзамирующим раствором, и без него мебель и все вещи рассыплются в прах.

Мэри, конечно, думала, что это муж миссис Хейкин, и, глядя на сидящую перед ней пухлую маленькую женщину с румяными щеками и яркими, блестящими серыми глазами, чувствовала, что та тоже находится во власти чар – и тоже растает и превратится в маленькое неприкаянное привидение, если убрать фотографию.

В тарелке на буфете лежали яблоки и три банана – живые, сочные плоды, никак не сочетающиеся с окружающей обстановкой. Мэри не могла поверить, что они настоящие, не мог-

ла примирить их с этой маленькой комнаткой, потому что, если не трогать их, они почернеют и сгниют, время увлечет их за собой, а все остальное так и будет неподвижно висеть в вечной пустоте, в которой не осталось даже надежды.

Мэри вздрогнула и стряхнула с себя оцепенение. Все это время она машинально отвечала на вопросы миссис Хейкин и так же машинально улыбалась. Нужно держаться подальше от бесстрастного, угрюмого лица над камином.

Миссис Хейкин все не умолкала – слова так и рвались наружу. Возьмут ли они в дорогу сэндвичи? Вот и правильно! Это куда лучше, чем шоколад и апельсины. А будут ли они снимать ту купальню с террасой? Конечно, это дорого, но почему бы и нет? Приятные мелочи всегда играют большую роль. Она помнит, как...

Мэри встала.

– Я никуда не уеду, если не потороплюсь, – сказала она со смехом.

Миссис Хейкин так и подскочила на стуле.

– А все из-за меня! Бегите, дорогая, собирайтесь. Было приятно поболтать!

Мэри уже стояла у стола и снимала с клетки накидку.

– Вы нас так выручаете, что берете к себе Джо! Не знаю, что бы мы без вас делали.

Пока она открывала клетку, миссис Хейкин торопливо обошла стол и оказалась рядом с ней. Джо, который думал, что ни с того ни с сего наступила ночь, дремал на насесте.

Когда опять стало светло, он моргнул, встрепенулся и сказал: “Фьють”.

Миссис Хейкин ахнула от восторга.

– Ну какой же он милый! Мне вовсе не в тягость. Я люблю, когда он живет у меня.

Она просунула палец между прутьями и пошевелила им. “Чик-чирик”, – сказала она, и Джо громко и торжествующе ответил: “Фьють”. Миссис Хейкин так и осталась бы стоять возле клетки, если бы Мэри не направилась к двери.

– Все нужное в свертке, – сказала она. – Думаю, корма там хватит.

Мэри снова оказалась в маленьком, безмолвном, холодном коридоре, снова увидела причудливую шляпку, шерстяной шарф и одинокий ряд крючков. Она открыла дверь, порыв теплого летнего воздуха заключил ее в свои сильные, властные объятия и подтолкнул к воротам.

Она повернулась и помахала миссис Хейкин, а миссис Хейкин улыбнулась и помахала в ответ.

– Хорошо вам отдохнуть! – крикнула она.

– Спасибо огромное! – крикнула ей Мэри и поспешила прочь.

Насвистывая, слегка покачиваясь и быстро крутя педали велосипеда, мимо проехал мальчишка-разносчик в потрепанной одежде. В нем кипела жизнь, и год от года он будет расти, а пока он несся вперед вместе с окружающим его живым потоком. Из-за ограды выскочила кошка и помча-

лась через дорогу; фургон бакалейщика, подрагивая, подъехал ближе и остановился. Из него выпрыгнул человек, захлопнул дверцу, вошел в ворота и тоже захлопнул их за собой. Повсюду была жизнь, которая то скрывалась от посторонних глаз, то безудержно выплескивалась наружу, и Мэри с радостью окунулась в нее.

У ворот Стивенсов развернулась бурная деятельность: Райслип со своей тележкой уже явился, но веревка, которой он закреплял чемодан, оказалась слишком короткой, и теперь он неспешно привязывал к ней еще одну веревку. Он потел, и мистер Стивенс сочувственно потел рядом с ним. Была четверть десятого. Миссис Стивенс, в шляпке и в жакете, в это время закрывала на задвижку окно, выходившее на дорогу. Почти в каждом окне на Корунна-роуд, между кружевными занавесками и над цветочными горшками, виднелись лица – одни наблюдали без малейшего смущения, другие застенчиво. За время отсутствия Мэри дома случился внезапный и бурный переполох: Эрни в последний момент загорелся желанием взять с собой яхту.

Мистер Стивенс сказал: “Нет! Мы ее не возьмем!”, и Эрни расплакался. Мистер Стивенс вышел из себя и закричал: “Мы не возьмем эту дурацкую игрушку, и точка!” – а Эрни, упрямый как мул, закричал в ответ: “Хочу яхту!”

Он был невыносим. Он ни слова не сказал, когда месяц назад яхту вычеркнули из “Списка очень важных дел”. Все то-

гда единодушно признали, что брать ее на море бессмысленно. По озеру возле Хрустального дворца, где можно кататься на лодках, она плавала с величественным достоинством, но для бурных волн была совсем не предназначена.

В прошлом году яхта их чуть с ума не свела. Она не могла плыть сама, и к корме приходилось привязывать длинную бечевку. Ее подталкивали палкой, но уже через мгновение она уныло валилась на бок; ее вытаскивали, клали на песок, чтобы паруса высохли, а потом весь этот фарс повторялся заново.

Но Эрни хотел яхту. Он отказывался ехать без нее; он собирался вцепиться в перила и кричать, если его потащат силой.

Побагровевший мистер Стивенс распахнул боковую калитку, захлопнул ее за собой и зашагал к сараю; чуть не сломав замок, он резко открыл дверь, достал эту паршивую яхту, снова захлопнул дверь и запер ее.

И вот теперь, когда Мэри вернулась, Эрни угрюмо стоял у ворот – под мышкой яхта, в свободной руке ведро и лопатка.

Багаж был погружен на тележку. Господи! Уже двадцать минут десятого!

– Лучше поспешить, – сказал мистер Стивенс Райслипу.

Райслип так поспешил, что тележка вильнула в сторону, но на этом его торопливость исчерпала себя, и он двинулся по Корунна-роуд со своей обычной скоростью.

Мистер Стивенс в последний раз оглядел прихожую и захлопнул входную дверь.

В дорогу!

Глава VI

Мистер Стивенс, Дик и Эрни пошли за билетами, а миссис Стивенс и Мэри понесли ключ миссис Буллевант. Времени было предостаточно, как это всегда бывает, если начать волноваться заранее и покончить со всем побыстрее, но мистеру Стивенсу нравилось иметь добрых десять минут про запас. Мало ли сколько неприятностей может произойти: или они что-то забудут и придется возвращаться, или окажется, что у окна кассы неожиданная очередь, или выйдет заминка с наклеиванием бирок на багаж...

Десяти минут было достаточно – но не слишком много, поскольку одна призрачная возможность всегда внушала мистеру Стивенсу нелепый и беспочвенный страх. Вдруг какая-нибудь встречная женщина потеряет сознание или споткнется и упадет?

В таком случае нужно будет остановиться, помочь ей встать, отряхнуть ее платье, поднять ее зонтик и сумочку, а может, и очки. Не то чтобы мистер Стивенс был черствым или невоспитанным – просто это привело бы к томительной проволочке. В подобных обстоятельствах нельзя не помочь даме, хладнокровно заявив, что вы спешите на поезд. Кроме того, многие женщины, не привыкшие быть в центре внимания, могут поддаваться желанию вызвать к себе интерес – вне зависимости от того, пострадали они или нет, – и тянуть

время, пока не соберется толпа. В худшем случае, если это обморок, все может кончиться тем, что надо будет оттащить женщину с дороги и подкладывать ей под голову собственный пиджак. Все может кончиться вызовом полиции и скорой помощи – пятью, десятью, пятнадцатью минутами тягостного промедления.

Это была дурацкая мысль – шанс, что такое произойдет, один из тысячи, – но она всегда таилась где-то в уголке сознания мистера Стивенса, когда он шел на станцию.

Следующий поезд с главного пути уходил только около двенадцати, и мистер Стивенс часто возвращался мыслями к этому ужасному перерыву – к ужасному разочарованию, которое постигнет их, если они не успеют на пересадку.

Наверное, придется вернуться домой – и целый час сидеть без дела, не снимая шляп. Забрать ключ у миссис Буллевант, снова отпереть заднюю дверь и войти в дом – как это будет ужасно! Это все равно что вскрыть склеп и ждать там, если вы опоздали на поезд, вернувшись с похорон.

Но какими бы ни были чувства мистера Стивенса, он не показывал их идущим рядом с ним мальчикам; все трое негромко и взволнованно говорили о том, что ждет впереди.

Тем временем Мэри и миссис Стивенс дважды постучали к миссис Буллевант и уже начинали беспокоиться. Когда дверь наконец открылась, казалось, что ее с силой потянули на себя, преодолевая сопротивление сокрушительного аромата жареного бекона, теплым облаком хлынувшего наружу.

Миссис Буллевант сглотнула – по-видимому, она ела бекон – и улыбнулась. Мистер Буллевант стоял позади нее, на пороге полутемной гостиной. Он тоже улыбнулся, но, поскольку ему не надо было ничего говорить, продолжал жевать бекон молча.

Некоторые жители Корунна-роуд смотрели на Буллевантов свысока, потому что мистер Буллевант всегда завтракал без воротничка, но Стивенсы знали, чего они стоят на самом деле, и с презрением относились к глупым предрассудкам такого рода.

Буллеванты отличались некоторой основательностью, но мелочность была им чужда, что могло быть только результатом гармоничного союза полицейского констебля и по-хорошему старомодной кухарки.

– Ну не счастливики ли вы – ехать в такой день! – воскликнула миссис Буллевант.

– Погода чудесная! – отозвалась миссис Стивенс (хотя, по правде говоря, она толком не успела понять, чудесная погода или нет). – Мы так благодарны, что вы согласились присматривать за домом. Просто гора с плеч.

– Пустяки, – сказала миссис Буллевант абсолютно искренне: мало что может быть привлекательнее, чем возможность в свое удовольствие побродить по чужому дому, когда вы имеете на это полное право.

– Молочник будет приносить полпинты через день – как обычно, – не могли бы вы каждое утро наливать коту поло-

вину порции?..

– Да, конечно. А рыбу?

– По понедельникам и четвергам, – сказала миссис Стивенс, вручая миссис Буллевант ключ. – Пушка не было дома, когда мы уходили, но окно на кухне приоткрыто, и по утрам он точно бродит где-то поблизости.

– У меня должно остаться немного бекона, я ему отнесу, – сказала миссис Буллевант.

– Вы его избалуете, – вставила Мэри с улыбкой.

– Я прослежу, чтобы еды было в меру, не то к вам повадятся и другие кошки.

– А за тем, чтобы окно оставалось приоткрытым, проследите? – попросила миссис Стивенс. (Несколько лет назад легкомысленная миссис Джек по какой-то причине закрыла его, и Пушок, который оказался заперт в доме на целый день, натворил там такого, чего в обычных обстоятельствах не сделал бы никогда.)

– Конечно! – сказала миссис Буллевант. – Ну, хорошего вам отдыха – и пришлите нам открытку!

– До свидания! – сказали миссис Стивенс и Мэри.

– До свидания! Они поспешили выйти из ворот; миссис Буллевант провожала их широкой дружелюбной улыбкой. Совсем другое дело, не то что миссис Хейкин, подумала Мэри. Они знали, что их дом под присмотром.

Их обволокло ленивое дыхание по-летнему теплого утра – вот теперь путешествие действительно началось. Когда они

проходили мимо дома миссис Хейкин, Мэри увидела, как старушка наблюдает за ними из окна своей спальни, и помачала ей, но миссис Хейкин, решив, что ее не видно и что Мэри машет кому-то другому, осталась неподвижной.

Миссис Дженнингс, жившая по соседству, тоже смотрела на них – Мэри видела, как она стоит в окне гостиной, наполовину скрытая занавесками. Из-за решетчатой боковой калитки наблюдал старый мистер Берджин, державший в руках утреннюю газету, да и в других окнах Мэри видела пальцы, на дюйм-другой отодвигавшие занавески.

Миссис Стивенс, торопливо шагавшая рядом с дочерью, казалось, не замечала чужих взглядов, но Мэри, которая шла с высоко поднятой головой, ощутила внезапное раздражение. На что тут смотреть – на людей, уезжающих в отпуск? Она вот на других не смотрит, даже не знает, когда они уезжают, – да и не интересуется.

Мистер Стивенс и мальчики почти уже дошли до поворота на улицу, ведущую прямо к станции, и тут Мэри с изумлением увидела, что с ними идет кто-то еще.

С мистером Стивенсом, Диком и Эрни случилась неприятность: мистер Беннет, коммивояжер, который жил в доме номер восемь, с беспечным видом вышел из ворот и присоединился к ним.

Это было глупо и бесцеремонно.

Разве он не знал, что люди, уезжающие в отпуск, отправляются в другой мир, совсем не похожий на мир тех, кто все-

го-навсего едет на работу? Разве он не знал, что их мысли, их слова, их души уносит колесница, парящая в недостижимой выси?

Мистер Стивенс, Дик и Эрни в блаженной гармонии приближались к раю, говорить и мечтать о котором могли только они одни. Какое право вмешиваться имел этот заурядный человек в котелке, с целлулоидным воротничком и зонтиком, как он посмел даже думать, что сможет присоединиться к их разговору, влиться в их общество, пройти с ними хоть несколько ярдов пути? Он собирался в Лондон – в свою контору – и должен был вернуться на Корунна-роуд во второй половине дня; он был крошечным спутником, вращавшимся по глупой, маленькой, будничной орбите, а Стивенсы уплывали прочь с величавостью огромной планеты.

– Ну и повезло вам, ребята! – воскликнул он. – Уезжаете в такую погоду!

Мистер Стивенс поморщился. Даже в обычных обстоятельствах ему не понравилось бы, что его причислили к “ребятам” наравне с Эрни.

– Опять в Богнор? – продолжал назойливый сосед.

– Да, – сказал мистер Стивенс.

– А мы в этом году были в Торки. Вам стоит разок туда съездить. Вы сами-то купаетесь еще?

Мистер Стивенс медленно повернул голову к мистеру Беннету. Последние слова прозвучали оскорбительно и дерзко.

– Конечно, я еще купаюсь.

– Правильно! – согласился мистер Беннет. – Не понимаю, почему бы нам, старикам, не веселиться вместе с остальными. Правда, надо быть поосторожней. В этом году один старичок в Торки пошел купаться сразу после завтрака, и откачивали его потом целый час, но...

Мистер Стивенс резко остановился. Оглядевшись, он повернулся к мистеру Беннету, коротко кивнул ему и улыбнулся.

– Подожду жену, – сказал он. Мистер Беннет тоже остановился и заулыбался еще шире в ожидании миссис Стивенс, но губы мистера Стивенса угрюмо сжались в тонкую линию. Он развернулся на каблуках, бросил через плечо: “Увидимся позже” – и двинулся обратно, а Дик и Эрни – за ним. Господи! Какой же нахал и дурак!

Мистер Беннет, совершенно растерявшийся, помедлил немного и пошел дальше своей дорогой. Негодование мистера Стивенса мгновенно прошло. Он так ловко отделался от этой неожиданной неприятности, что вместе с ней, казалось, рассеялись и все досадные мелочи сегодняшнего утра. Его вдруг охватила невероятная радость. Он принялся подавать миссис Стивенс и Мэри тайные знаки, улыбаясь и хмурясь, чтобы дать им понять, что не надо торопиться и что ничего серьезного не случилось. Но миссис Стивенс подбежала запыхавшись:

– Что-то забыли?

– Нет-нет! Просто этот Беннет прицепился – хотел доехать с нами до Клэпем-джанкшен. Пропустим его вперед. – Мистер Стивенс подмигнул Дику и Эрни, и они все вместе двинулись дальше.

На углу Корунна-роуд мимо них проехал фургон “Картер Патерсон”, а когда они свернули на дорогу, ведущую прямо к станции, почтальон остановился и снисходительно улыбнулся им.

День обещал стать невыносимо жарким, потому что солнце припекало довольно ощутимо, и они уже успели вспотеть, когда вошли в прохладный кассовый зал с высоким мрачным потолком и гулким полом.

Станция была маленькой, невзрачной и почти безлюдной, потому что большинство ездило в Лондон с другой станции, откуда поезд привозил их прямо на вокзал Виктория.

И все же гораздо интереснее было отправляться в дорогу из этого тихого, непримечательного места, чтобы окунуться в крещендо Клэпем-джанкшен и уже потом постепенно двинуться через широкие равнины к морю.

Мистер Стивенс важно подошел к окошку, заглянул внутрь и отрывистым деловым тоном отчеканил:

– Четыре полных и один за полцены до Клэпем-джанкшен.

Остальные сгрудились и ждали, перешептываясь между собой, потому что в полную силу голоса здесь звучали гулко. Вдруг Эрни весь задрожал от возбуждения. “Смотрите!” –

воскликнул он. На стене, прямо над унылым списком дорожных тарифов, набранных мелким шрифтом, сверкали три ярких цветных плаката. На втором из них, куда показывал палец Эрни, было написано: “В БОГНОР РЕДЖИС ЗА ЗДОРОВЬЕМ И СОЛНЦЕМ”; на сияющем желтом песке стояла улыбающаяся девушка, а за ней простиралось темно-синее море. Ее волосы развевались на ветру, у ног прыгала маленькая белая собачка.

Они разглядывали плакат. В любой другой день он показался бы им насмешкой, но этим утром они могли смотреть на него с полным правом.

– Сегодня именно так все и должно выглядеть, – сказал Дик.

– Пойдемте! – позвал их мистер Стивенс, размахивая билетами. И они вышли на платформу.

Эрни не отрываясь следил за руками контролера, которые сложили билеты в аккуратную стопку и щелчком тугого компостера пробили в них треугольную прорезь; потом он поднял глаза, чтобы посмотреть, отразилось ли на лице контролера удовольствие, которое сам он на его месте ни за что не сумел бы скрыть. Скучающий вид этого человека возмутил Эрни, и он сразу же причислил его к людям, которые не понимают своего счастья. Для него было загадкой, почему бурную радость от пробивания билетов испытывают совсем немногие.

Выйдя на платформу, Эрни оказался на вершине блаженства,

потому что, хоть для других железная дорога и утратила свое очарование, он по-прежнему оставался в плену ее манящих тайн.

Особое значение имело не столько то, что можно было здесь увидеть и сделать, сколько то, чего ни увидеть, ни сделать было нельзя. Все было устроено так, чтобы разжигать аппетит, но не утолять его. Железнодорожные служащие как будто нарочно морочили ему голову.

Много лет он задавался вопросом, как им удалось впахнуть в то крошечное окошко человека, который продает билеты. Его засунули туда в детстве или вокруг него построили кассу, когда он был уже взрослым?

Он пережил страшное разочарование, когда романтические стены, которые он возвел вокруг этого печального узника, разрушил Дик, как-то раз указав ему на самую обычную боковую дверь. После такого железнодорожная компания слегка упала в его глазах.

И все же на одну раскрытую тайну приходилась дюжина других, которые грозили так и остаться неразгаданными и мучить его всю жизнь. Тайны прятались за дверями с надписью “Служебное помещение”, заставляя его щуриться и всматриваться через окошко в темные глубины. На маленьком кирпичном здании неподалеку от железнодорожных путей большими красными буквами было написано: “ОПАСНО”. Набранная жирным шрифтом табличка в конце платформы гласила: “ПОСТОРОННИМ ПРОХОД ВОС-

ПРЕЩЕН”. Он часто размышлял над этой фразой, со страхом гадая, какие опасности таит уходящая вдаль асфальтовая дорожка, и однажды – с дрожащими коленями и колотящимся сердцем – сделал шаг за щит с табличкой и стоял там ликующе, пока отец резко не окликнул его.

Ложась в постель, он часто снова и снова переживал этот момент – момент триумфа, раскрывший истинную сущность железнодорожных служащих. Они мошенники. Он шагнул за щит, и с ним ничего не случилось. Они просто повесили там эту табличку, потому что любят все портить – им досадно, что другие испытывают радость, которую они сами же невольно доставляют.

Железнодорожные служащие, по-видимому, были вечно чем-то недовольны, потому что они никогда ничего вам не предлагали, никогда не улыбались и не советовали попробовать то-то и то-то. На въездных воротах висело объявление, в котором говорилось о привлечении нарушителей порядка к ответственности, – и это уже сулило отличное, многообещающее начало. На билете было написано, что вы едете на свой страх и риск, что железнодорожная компания не несет за вас ответственности, что билет только на одну поездку и если вы хотите его вернуть, то сделать это надо в день приобретения. Запрещалось класть тяжелые вещи на багажную полку, высовываться из окна или выбрасывать из него предметы, которые могли бы нанести травмы путевым рабочим. А ведь можно было, по крайней мере, по-дружески сообщить, какие

предметы не должны причинить им вреда.

Эрни казалось, что, когда эти вечно недовольные люди строили свою железную дорогу, они совершенно случайно наткнулись на чистый родник восторга, радости и веселья, который вызвал у них такое недовольство, что они попытались его уничтожить, закидав камнями.

Но у них ничего не вышло – стало только еще веселее. Чем больше они повторяли: “ОПАСНО”, “НЕ ДЕЛАЙТЕ ТО”, “НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТО”, чем больше грозили штрафами и привлечением к ответственности, тем больше покалывало ноги и тем сильнее колотилось сердце.

На станции уже объявили о прибытии поезда, когда Стивенсы собрались вокруг Райслипа, чтобы посмотреть, как он наклеивает бирки на багаж, и мистер Стивенс счел разумным напомнить, что не стоит разбредаться по платформе. Они увидели мистера Беннета на скамейке возле кассы, но, к счастью, он нашел себе какого-то приятеля, и его общество больше им не грозило.

Чемодан прекрасно смотрелся с новой белой биркой, наклеенной поперек выцветшей прошлогодней: мистер Стивенс очень тщательно сохранял следы прежних путешествий. Одна бирка случайно отвалилась, когда несколько дней назад чемодан достали, чтобы сложить вещи, и он аккуратно приклеил ее на место.

Они всегда чувствовали приближение поезда еще до того, как он показывался из-за поворота. На платформе царили

напряженное ожидание и тишина, похожая на ту, что предвещает появление еще невидимой торжественной процессии лорд-мэра.

Наконец они услышали гудок поезда, проезжавшего по мосту прямо за поворотом.

– А вот и он! – сказал мистер Стивенс, поднимая свою сумку.

Дик перекинул плащ через плечо и подобрал теннисные ракетки; Эрни перехватил чуть повыше яхту, которую держал под мышкой; миссис Стивенс еще крепче вцепилась в свою сумку.

Поезд, казалось, бесшумно возник между двумя домами в полумиле от станции. Затем он повернул прямо на них и как будто застыл в полной неподвижности, только с его колес сыпались искры, и он постепенно увеличивался в размерах. Но очень скоро раздался грохот, и сразу же после этого они смогли разглядеть в кабине машиниста.

Эрни презирал машинистов электропоездов. Те же контролеры – вот они кто: самодовольные, напыщенные индюки, которые только и умеют что нажимать на рукоятку. Вот бы это были черные от сажи, потные люди в рабочих комбинезонах, которые качаются взад-вперед, стоя на подножке настоящего, пытящего паровоза!

Поезд с грохотом подъехал к платформе.

– Есть пустое купе! – воскликнула миссис Стивенс, когда вагоны начали проноситься мимо.

– Ладно, ладно, их там полно, – сказал мистер Стивенс таким тоном, что его жена смутилась.

Когда ждешь вагон в хвосте поезда, всегда возникает ужасное ощущение, что он вот-вот пролетит мимо. Тяжелый состав проносится с умопомрачительной скоростью, и кажется, что он не успеет остановиться. Даже мистеру Стивенсу, несмотря на тщательно изображаемое им спокойствие, пришлось подавить в себе стойкое желание побежать за пустым вагоном третьего класса. Но тут поезд начал замедлять ход.

Наконец мимо проскользнула вереница вагонов с голубой обивкой (первый класс), которые проехали вперед ровно настолько, чтобы перед Стивенсами остановился ряд вагонов третьего класса.

По субботам после девяти ездить из пригородов в Лондон лучше всего, потому что мест предостаточно.

– О-от это! – воскликнула миссис Стивенс, бросаясь вперед и хватаясь за ручку двери.

– Вот купе для курящих, – сказал мистер Стивенс в нескольких ярдах позади нее. Ему хотелось, чтобы жена держала себя в руках, потому что она проглатывала звуки, когда волновалась. Ее первое слово было кровоточащим обрубком: букву “в” словно отсекли от него тупым топором.

– Тут пустое купе для курящих! – крикнул Дик, потому что в дальнем углу купе мистера Стивенса уже кто-то сидел, и мистер Стивенс на секунду замер в нерешительности. Но

потом семья, рассредоточившаяся и готовая вот-вот разделиться – каждый открыл разные двери, – снова сгрудилась возле той двери, которую распахнул Дик.

Эрни втолкнули первым. Ему пришлось бросить яхту, ведро и лопатку на пол и перелезть через них; потом в купе забралась Мэри, а за ней Дик, который остановился и помог подняться миссис Стивенс, пока мистер Стивенс осторожно поддерживал ее сзади.

Отлично! Все сели. Мистер Стивенс подождал на платформе, поставив одну ногу на подножку, пока багаж не оказался в отведенном для него вагоне. Потом подошел Райслип и коснулся своей фуражки.

– Все готово, сэр.

– Хорошо. В субботу через две недели, в пять часов, – сказал мистер Стивенс.

– Будет сделано, сэр. Мистер Стивенс с улыбкой протянул Райслипу два шиллинга. Приятно, когда в присутствии всей семьи тебя называют “сэр”. Проводник дунул в свисток, и миссис Стивенс умоляюще протянула руку к мужу, словно боясь, что он провалится между поездом и платформой, но он легко поднялся в вагон и захлопнул дверь.

– Вот и все, – сказал он, окидывая взглядом вещи и свертки на багажной полке и сиденьях.

Глава VII

Поезд набрал скорость, и почти мгновенно его колеса простучали над дорожкой, которая ныряла под Насыпь в конце Корунна-роуд.

– Уже подъезжаем! – сказал мистер Стивенс, и все семейство, которое раскладывало вещи, собралось у окна, чтобы в последний раз посмотреть на свою улицу.

Мистер Хьюз был у себя в саду – крайний дом, номер два. Он мыл перевернутый велосипед. Следующим был дом номер четыре с неровной, запущенной лужайкой и заросшими сорняками клумбами; здесь жили какие-то чудаки, о которых никто ничего не знал, но некоторые думали, что они киноактеры.

Промелькнули дома номер шесть и восемь, оба с ухоженными садами, хотя мистеру Стивенсу никогда не нравился грот мистера Беннета. Для такого нужен сад побольше...

Потом показались номер двенадцать с солнечными часами и номер четырнадцать, где мистер Фостер держал кроликов в грязных клетках.

Поезд несся слишком быстро, уже мало что можно было разглядеть, и все напряженно ждали, когда в окне на мгновение появится их собственный дом. Эрни, Дик и Мэри наслаждались видом, потому что им редко доводилось наблюдать за тем, что творится в закулисье. Они вскрикивали, подме-

тив какую-нибудь мелочь, и торжествующе рассмеялись, когда увидели, как миссис Фрейзер в бигудях бросает что-то в мусорное ведро: она всегда была разодета в пух и прах, когда выходила на улицу не через заднюю, а через парадную дверь. За окном промелькнул мистер Шеперд, который поливал герань на пне, оставшемся от яблони, а потом все притихли.

И вот показался их дом. Из поезда он выглядел удивительно крошечным, ненастоящим и безмолвным: шторы задернуты, на веревке для белья ничего не висит, в саду безлюдно.

С Насыпи была видна задняя сторона крыши, где новые листы шифера, уложенные после прошлогодней грозы, походили на светло-серую квадратную заплатку.

Утром в это время на большую часть сада падала тень от дома, но луч света проникал сбоку и освещал белые астры под яблоней.

Кирпичная кладка на солнечной стороне казалась выцветшей и имела неприглядный вид, но задняя часть дома, которая оставалась в тени, выглядела гораздо лучше, а дикий виноград и сирень даже облагораживали ее.

У мистера Стивенса в этот момент всегда сжималось сердце, и, всего раз окинув дом пристальным взглядом, он отвернулся и сел в углу. Но хотя бы одним поводом для беспокойства стало меньше. На полпути к станции он внезапно понял, что никак не может вспомнить, закрыл ли окно в уборной. Спрашивать у других он не осмелился, потому что это была одна из его обязанностей, и заговорить об этом было бы

смешно. Оказалось, что все в порядке – окно закрыто. Поразительно, сколько всего можно делать машинально.

У миссис Стивенс сердце не сжималось, хотя она больше остальных была привязана к маленькому домику, где проходила вся ее жизнь. Она только с тревогой посмотрела, не идет ли из труб или окон дым, боясь, что забыла кухонное полотенце возле горячей плиты или не убрала тлеющие угли из печки.

Эрни волновался больше всех. Он целый месяц ждал, когда на дом можно будет посмотреть с высоты, и, пока они проносились мимо, отчаянно искал в желобе под крышей свой теннисный мячик.

Однажды вечером, в сумерках, он подбросил мячик выше обычного, и тот загадочным образом куда-то запропастился. Желоб под крышей был последней надеждой Эрни, но там не было ни мячика, ни даже комочка или бугорка, которые могли бы оказаться мячиком. Он уже не смотрел на дом, когда Мэри внезапно закричала: “Пушок!”, и все головы повернулись в надежде успеть его увидеть.

Да! Пушок действительно был там – он сидел на крыше сарая и смотрел через сад на дорогу.

Бедный старенький Пушок – жаль, что они не смогли взять его с собой. Он и не поймет, почему стало так тихо, когда будет протискиваться между прутьями окна на кухне, – он всегда возвращался домой к вечернему чаю.

Они совсем забыли о миссис Хейкин, а поезд уже проно-

сился мимо последнего дома на Корунна-роуд. Миссис Стивенс положила сэндвичи и термос на полку над головой и уселась на место; Мэри вытащила из книги закладку и принялась читать; Дик изучал теннисные ракетки, а мистер Стивенс записывал в блокнот расходы: два шиллинга, которые он дал Райслипу, и стоимость билетов. Один Эрни продолжал с интересом рассматривать пролетающие пейзажи, совершенно не понимая, как остальные могут не обращать на них внимания.

Дело в том, что дорога от дома до Клэпем-джанкшен дарила ему огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие, перед которым меркла остальная часть пути.

В какой-то степени ему нравилась и та часть тоже, но широко раскинувшиеся луга проплывали за окном слишком медленно – и было что-то одинаковое в этих полях и холмах, проселочных дорогах и лесах, воротах и домиках. Время от времени в поле попадались коровы, или какой-нибудь мальчик махал поезду рукой, а телеграфные провода, которые то опускались, то опять поднимались, то опускались, то поднимались, то опускались, то поднимались, нагоняли на Эрни сон.

Совсем не то первая часть дороги – сколько же тут интересного! Все было так близко, что он не успевал рассмотреть и половины того, что проносилось перед глазами; сотни необыкновенных деталей притягивали его взгляд – а потом уносились в сторону. Он и моргнуть не успел, как На-

сыпь закончилась, и теперь они ехали между гигантскими кирпичными стенами, которые под наклоном уходили вверх. В них были ниши, похожие на будки часовых. Стены постепенно росли, а за окном становилось все темнее и темнее, пока внезапно поезд с грохотом не въехал в туннель, и он впервые понял, что в вагоне включены лампы. Мимо промелькнуло что-то темное, в копоты, потом горящий зеленым светофор; что-то стучало, как часы без маятника, и как раз в тот момент, когда Эрни вообразил себя мрачным подземным чудовищем, поезд вылетел на солнечный свет, и вот он уже, как бог, взирает сверху вниз на пыльные улицы, толпы людей и на обочины, вдоль которых выстроились торговые ряды. А потом появились трубы, сотни труб, толстых и тонких, красных и черных, жестяных, каменных, кирпичных: на одной колпак словно шлем пожарного, другая с флюгером, печально вращающимся на ветру, третья – длинная, тонкая, в маленькой шляпке, как у китайца.

Опять вниз – в глубину, в грохот, в темноту. Снова прочные кирпичные стены, будто падающие назад, вдоль которых извиваются толстые кабели, а потом, когда он ждал, что поезд вот-вот нырнет в другой туннель, внезапно посветлело, и стену в один миг поглотил зеленый травянистый пригорок. Затем этот пригорок сровнялся с землей, и Эрни увидел целый склад грузовиков – восхитительно допотопных, ржавых, разваливающихся на части. Такого он никак не ожидал. В этом и была вся прелесть!

Станция. Резкая остановка. Свисток – и снова в путь: впереди ждет лучшая часть дороги!

Здесь между путями и заборами бежала полоска таинственной ничейной земли. Эрнст жадно любовался узким пу-стырем, заросшим жесткой травой, и находил его по-своему романтическим. Казалось, здесь не ступала нога человека – никто так и не решился потревожить эти призрачные останки, пытавшиеся спрятать наготу в траве.

Вот груды выгоревших, гниющих шпал и валяющийся сверху сломанный фонарь, а вот куча ржавых болтов, моток проволоки, а потом – смотрите – мусор!

Среди мусора попадались такие вещи, что вы бы даже с тысячи попыток не угадали, какие именно. Старые скомканые газеты, банки из-под консервированных фруктов, заплесневелые, расплзающиеся мешки – но это и так понятно. Без них так же нельзя представить вид из окна вагона, как нельзя представить пудинг без муки, нутряного сала и изюма – но откуда тогда взялся старый, вывернутый зонтик с обнаженными спицами, с которых свисали клочки ткани? Как, когда и почему он сюда попал? Ни один пассажир не уронит из окна раскрытый зонтик – и, конечно, если бы его хотели выбросить, наверняка бы сначала закрыли, правда же?

Как появилась жуткая ржавая рана вон на том эмалиро-ванном помойном ведре? Люди никогда не выливают в по-мойные ведра ничего такого, что могло бы проделать в них неровные дыры! А посмотрите на половину детской коляс-

ки, перевернутую вверх дном! Какое ужасное, уже позабытое трагическое происшествие могло так рассечь коляску, чтобы два оставшихся колеса повисли в воздухе? Эрни испуганно вглядывался в траву в поисках половины ребенка.

Больших гор мусора – когда его постоянно выбрасывают в одни и те же места – здесь не было, только отдельные маленькие кучки; некоторые уже поросли травой, некоторые появились недавно и белели обрывками газет. Обычные ведра и эмалированные помойные попадались чаще всего, и все они почему-то были помятыми и изуродованными. Чуть реже встречались кошки, хотя они, будучи живыми, строго говоря, не могли считаться мусором. Но они сливались с этими кучами так естественно, что претендовали на некоторое родство с ними; они бродили среди мусора, сидели среди мусора, а иногда и смотрели друг на друга поверх мусора. Кошек было почти столько же, сколько помойных ведер.

Они проехали мимо велосипедной шины, мимо граммофонной трубы, мимо шляпы-котелка, а потом оказались на более широком участке дороги, по которому бежало с полдюжины путей: пронесившиеся мимо поезда и ряды товарных вагонов заслоняли пейзаж за окном, и видно было не так хорошо, как раньше. А жаль: дома теперь стояли так близко к железной дороге, что Эрни мог бы разглядеть в окнах людей в пижамах. Чахлые тополя, казалось, росли прямо на черном от пыли угольном складе, а где-то в верхней части улицы Эрни увидел толпу зевак и полицейского – наверное,

там произошел какой-то несчастный случай. Но все это исчезло в мгновение ока, и теперь его внимание привлекли таинственные знаки вдоль железной дороги. Рядом с путями стояли столбики-малыши высотой в фут, которые выглядели так, будто их только что сюда поставили, и таблички, на которых красовались непонятные цифры: на одной – огромная восьмерка, на другой – надпись “1 к 1”, что показалось Эрни глупым, потому что этот указатель ничем от остальных не отличался.

Мать постоянно не давала ему покоя – то нащупывала перед ним дверь и проверяла, не открывается ли она, то держала его за пояс сзади. Но это не портило Эрни настроение – скорее, наоборот, доставляло еще больше удовольствия, потому что он упивался чувством опасности и собственной смелостью.

Теперь они ехали по боковому пути и внезапно оказались среди очень старых и тесно лепившихся друг к другу домов, между которыми не было свободного пространства, как на Корунна-роуд. Эрни видел крошечные задние дворики, развешанное белье и сараи, на крышах которых громоздились голубятни или клетки для кроликов. Единственные цветы, которые он сумел разглядеть, росли на подоконниках, а единственные птицы жили в крошечных деревянных клетках, висевших на стенах. Одинокое дерево росло прямо посреди асфальтированного двора, но выглядело поникшим и раньше времени облысело. Они проехали мимо пыль-

ной площадки, где земля вокруг качелей была совершенно голой. Несколько мальчиков играли в крикет, а неподалеку, прикрыв лицо газетой и согнув одну ногу в колене, лежал на спине мужчина. Эрни с сожалением подумал, что к тому времени, когда он вернется, для крикета будет уже поздно, а ведь он так хорошо играл с Тедом и Сэнди у них на площадке; иногда посмотреть на них приходили местные мальчишки в поношенной одежде, которые тут же подхватывали и бросали обратно улетевший мяч, а Тед, Сэнди или Эрни кричали им: “Спасибо!” Они играли узким кругом и очень редко брали в команду кого-то еще, потому что подумывали заняться крикетом профессионально.

В окне появился длинный ряд цветных плакатов, за ним – красивая будка стрелочника, стоявшая на мосту, но тут все зашевелились, стали снимать с полок багаж и выглядывать из окон. Дело в том, что они миновали Уондсворт-коммон, и теперь ехать оставалось совсем немного.

Он посмотрел на мать. Она довольно заметно побледнела, и казалось, что ей нехорошо, но он не понимал почему. Она уже сняла с полки термос и сверток с сэндвичами, которые теперь лежали рядом с ней, то и дело подхватывала их подмышку, потом поворачивалась к окну и снова клала их на сиденье.

Отец с важным видом перебирал билеты и поглядывал на часы.

– Минута в минуту, – объявил он. Мимо прогрохотали два

состава, по одному с каждой стороны – на электрической и на паровой тяге. Раздался гудок, где-то свистел двигатель, и поезд въехал на Клэпем-джанкшен.

Глава VIII

В пересадке на Клэпем-джанкшен нет ничего страшного, если только не паниковать.

Никто не знал этого лучше, чем мистер Стивенс, и когда их поезд начал приближаться к платформе, его движения стали неторопливыми и уверенными.

Он осмотрел немногочисленные вещи, разложенные на сиденье, и с улыбкой повернулся к жене.

– Времени уйма, – сказал он. – Наш чемодан еще должны выгрузить.

Да, подумала миссис Стивенс, но вдруг его *забудут* выгрузить!

Мистер Стивенс видел, что жена волнуется, и, хотя вовсе не был человеком эгоистичным, невольно чувствовал тайное удовлетворение. Его собственное хладнокровие оказалось бы никчемным и бесполезным, если бы она тоже держалась хладнокровно. Он прочел на ее бледном лице невысказанный вопрос, увидел, как дрожат ее руки, и понимающе улыбнулся, надеясь ее приободрить.

Багажный вагон был сзади, всего в нескольких ярдах от их купе, и, выйдя на платформу, они увидели, как проводник передает чемодан носильщику, который аккуратно переворачивает его и укладывает на тележку.

– Богнор? – спросил мистер Стивенс.

– Платформа восемь, – ответил носильщик.

– Вы его довезете? Носильщик кивнул и покатил чемодан.

Это оказалось до нелепости просто, и миссис Стивенс даже не верилось, что на Клэпем-джанкшен все может пройти без сучка без задоринки.

Потом она вдруг догадалась, что на самом деле все было не очень-то просто – так лишь казалось благодаря ее мужу. Следуя за ним по платформе, она безгранично восхищалась его молчаливой целеустремленностью. Казалось, что Клэпем-джанкшен пробуждает в нем скрытые способности.

Мистер Стивенс и сам думал точно так же. Он чувствовал в себе этот врожденный дар и считал, что обладает талантом руководить другими. Обычная жизнь предоставляла для этого мало возможностей. Чтобы его способности проявились, требовались или Клэпем-джанкшен, или прорыв водопровода.

Они подошли к широкой лестнице, ведущей в подземный переход, и миссис Стивенс крепче вцепилась в свою сумку. Именно здесь два года назад она уронила термос. В нем что-то разбилось, потому что, когда они подносили его к уху и встряхивали, слышалось слабое позвякивание осколков стекла, как в калейдоскопе.

Но на сей раз все было хорошо: Дик помог ей спуститься, и они стали ждать, пока мистер Стивенс купит билеты. Уже начиналась сутолока. У кассы стояло довольно много народу, и лицо мистера Стивенса слегка омрачилось. Но он, как

это всегда бывает, оказался у окошка раньше, чем ожидал, и у них оставалось еще добрых десять минут после того, как он раздобыл билеты.

В переходе была настоящая кондитерская – точь-в-точь как обычные кондитерские на улице, – и Эрни, которому дали шиллинг, чтобы он потратил его на приятные мелочи, успел купить булочку-завитушку с шоколадом. Она стоила два пенса, но зато ее было замечательно есть в дороге.

Тем временем остальные члены семьи подошли к книжному киоску по соседству. Мистер Стивенс считал, что в поезде принято читать, и никогда не скупился на журналы и газеты. Он купил “Рэд мэгэзин” для Мэри, “Кэптен” для Дика, “Чипс” и “Скаут” для Эрни и “Таймс” для себя. Жене он купил небольшой журнал по домоводству. Она читала редко, а то и не читала вовсе, и он знал, что она вряд ли будет увлеченно изучать журнал в поезде, но ему не нравилось, когда она сидела напротив и все время смотрела на него, а эта обложка выглядит одинаково, как ее ни поверни – хоть вверх ногами держи.

Сам он обычно не читал “Таймс”, потому что в автобусе разворачивать газету было неудобно, но он любил ее респектабельность и любил чувствовать себя культурным человеком, когда не спеша изучал ее в поезде; кроме того, он нередко натыкался там на что-нибудь увлекательное. Ему нравились письма в редакцию и длинные, взвешенные статьи о международных вопросах, которые живо интересовали его и

вызывали желание как-нибудь, когда будет время, узнать об этом побольше.

В этот момент вернулся Эрни, и все они поднялись по лестнице на восьмую платформу.

Там собралась довольно большая толпа, но для первой субботы сентября это было неудивительно.

– Богнор? – спросил мистер Стивенс, когда контролер отрезал краешки билетов. Тот кивнул и ткнул большим пальцем в сторону восьмой платформы.

– Следующий поезд? Контролер кивнул. Они обнаружили носильщика и свои вещи уже на месте, но на Клэпем-джанкшен, среди чужого багажа, чемодан выглядел меньше, чем у них в Далидже, где его не с чем было сравнить.

– Следующий поезд идет до Богнора? – спросил мистер Стивенс у носильщика.

– Да, сэр, – ответил тот. Мистер Стивенс не любил полагаться на слово одного контролера и всегда предпочитал расспрашивать как можно больше железнодорожных служащих.

Пассажиров по сравнению с прошлым годом было и впрямь много, и мистер Стивенс невольно забеспокоился.

– Держитесь рядом, – сказал он вполголоса. – Главное – не потерять друг друга. – С улыбкой обращаясь к жене, он прибавил: – Некоторые точно ждут другого поезда, – но в глубине души боялся, что именно *их* поезда все они и ждут.

С каждой минутой людей становилось все больше. Они никак не уместились бы в один поезд, даже будь он пустым, –

а мистер Стивенс знал, что на вокзале Виктория уже сядет немало народу.

Эрни повезло: за спиной у него находился огромный, внушительный торговый автомат, который он мог спокойно рассматривать, никуда не отходя.

Однажды он видел, как какой-то человек заправлял похожий автомат содержимым одной из картонных коробок, которые стояли у его ног. А потом отпер потайной ящик и высыпал себе в сумку целую кучу монет. С этого дня Эрни решил, что когда-нибудь станет одним из таких людей, если это вообще в человеческих силах. Эта профессия казалась ему пределом земных мечтаний.

Он осмотрел стопки упаковок, смутно видимые через узкие стеклянные окошки. Можно было выбрать карамель, шоколад, миндаль и изюм, марципан или ореховое ассорти. Внизу он прочел: “Задвиньте ящик. Вставьте пенни в прорезь напротив выбранного продукта и выдвиньте ящик”. Он перечитал инструкцию дважды. Она звучала по-деловому коротко. Внизу, на эмалированной табличке, было написано: “По всем вопросам обращайтесь в «Автоматы Виктория лимитед», Бродвей, Уиллсден”.

Он как раз гадал, какой вопрос можно задать об ореховом ассорти, когда толпа расступилась перед носильщиком, который приближался, выкрикивая: “Саттон – Кройдон – Доркинг – Хоршем – Арундел – Форд – Богнор!”

Все зашевелились и подхватили свой багаж. Поезда еще

не было видно, и Эрни удивился, как же носильщик узнал, что он едет. Но вот и он! Выезжает из-за поворота, бок о бок с маленьким электропоездом. Паровоз приближался с протяжными, хриплыми, тяжелыми вздохами – медленнее, чем электропоезд, так что можно было разглядеть передние вагоны. Господи! Уже битком! Одна сторона этого вагона полностью занята! А вон в том не меньше десяти человек! Кажется, им предстоит поработать локтями. Мистер Стивенс сунул журналы и рюкзак под мышку, оставив правую руку свободной. Он был готов толкаться, если толкаться будут другие.

Поезд оказался ужасно длинным – он все не кончался и не кончался. Пару раз у них возникло безумное желание побежать за вагонами, в которых были свободные места. Некоторые действительно ровно так и сделали, и их поглотила протестующая толпа, но мистер Стивенс стоял на месте, мягко придерживая жену за локоть, и наконец поезд в последний раз издал дрожащий стон и остановился. На одно мучительное мгновение ряд вагонов первого класса грозил оказаться прямо там, где стояли Стивенсы, но потом поезд прополз чуть дальше, и перед ними остановилось купе третьего класса для курящих, в котором было всего два человека, – невероятная удача.

Мистер Стивенс попытался подвести семью прямо к двери, чтобы все могли сесть вместе, но каким-то образом к ним присоединились еще два человека – и после того, как Дик и Мэри взобрались на подножку, остальным пришлось про-

пустить других пассажиров, и их компания разделилась. Это было досадно, но на самом деле не так уж и важно. Главное, что все попали в одно купе.

Несколько раз кто-то распахивал дверь, нервно заглядывал внутрь и убегал. Мистер Стивенс подошел к окну и наблюдал, как грузят багаж. После недолгого ожидания раздался свисток, и поезд медленно тронулся.

Дик и Мэри заняли угловые места, но две девушки, устроившиеся друг напротив друга, отделили их от остальных членов семьи, которые сели в середине купе – миссис Стивенс и Эрни по ходу движения, а мистер Стивенс напротив.

Миссис Стивенс оглядела попутчиц. Девушки ей понравились: у них были рюкзаки и крепкие палки для ходьбы, и она не сомневалась, что их не укачает и в обморок они не упадут.

В другом углу сидел какой-то моряк. Не матрос, но вроде того – в синем кителе с медными пуговицами и фуражке с козырьком.

Еще с ними ехал толстый добродушный старик в гетрах – скорее всего, фермер, – а рядом сидел молодой человек, у которого из-за больших зубов не до конца закрывался рот.

Единственная вызывающая сомнения пассажирка сидела напротив миссис Стивенс, рядом с ее мужем; это была тучная женщина с маленьким ребенком. Пожалуй, если ребенок не будет доставлять хлопот, с соседями им повезло. Девушки с палками и рюкзаками, скорее всего, сойдут в Доркинге,

и тогда все семейство сможет воссоединиться.

Дик и Мэри наклонились вперед, посмотрели на остальных и улыбнулись. Остальные тоже посмотрели на них, кивнули и улыбнулись, показывая, что все в порядке.

Все устроились поудобнее, кроме ребенка, которого женщина держала так глупо и неуклюже, что он мог смотреть только на мистера Стивенса. Минут пять он разглядывал его, не моргая. Потом протянул руку и ухватился за край шляпы мистера Стивенса.

Мистер Стивенс некоторое время делал вид, что ничего не замечает. Он сидел неподвижно, не отрывая глаз от первой страницы “Таймс”. Но потом ребенок начал тянуть за поля шляпы, пока голова мистера Стивенса не наклонилась немного вбок. Именно на это ребенок и рассчитывал, потому что начал хихикать: потянет и слегка отпустит, затем потянет снова. Мать не обращала на него внимания, и это страшно раздражало.

Наконец мистер Стивенс демонстративно снял шляпу и повесил ее на крючок над головой. Ребенок перевел глаза на шляпу, издал горестный вопль и заплакал. Женщина машинально шлепнула его и развернула так, чтобы он не видел мистера Стивенса, который со вздохом открыл “Таймс”.

Некоторое время они ехали по тому же пути, по которому другой поезд привез их сюда, – мимо пыльных тополей, под будкой стрелочника на мосту. Потом свернули на другой путь и миновали несколько небольших пригородных стан-

ций.

Девушки, поначалу оживленно переговаривавшиеся, откинулись на спинки сидений и раскрыли журналы; моряк спокойно смотрел в окно; фермер и ребенок уснули, и в купе стало тихо.

Дик положил журнал на колени и выглянул в окно. Сначала он видел фабрики, дома и маленькие сады, где росла одна трава, но постепенно сады становились все больше и пышнее; иногда мелькали пустые участки земли, но их тут же вытесняли новые ряды домов. Время от времени в окне появлялось поле с живыми изгородями из ежевики, но и в него, словно острие кинжала, вонзалась узкая полоса новых недостроенных домов, тащившая за собой дренажную канаву, ухабистую временную дорогу и полосы голой земли, с которой был снят слой дерна, чтобы кинжал мог войти еще глубже.

Но вскоре полей стало больше – и в какой-то момент Дик увидел сплошные волны травы, простиравшиеся до самого горизонта. Он сидел, подперев подбородок рукой и не отводя глаз от окна, чтобы рассмотреть все в подробностях. Ему нравилось, когда проплывающая перед ним местность служила фоном его размышлений.

Глава IX

Открыв журнал, миссис Стивенс взглянула на высоких стройных девушек в рубрике “Мода”. Ей стали надоедать эти рубрики, потому что в них никогда ничего не было для миниатюрных женщин. Девушки на картинках были ростом не меньше шести футов, а то и больше – впрочем, как и во всех журналах. Все равно что предлагать вазы для нарциссов, чтобы поставить туда фиалки.

Она нетерпеливо перевернула страницу, и бесплатная выкройка выскользнула на пол. Ей пришлось вытянуть ногу, чтобы затолкать мягкий вкладыш из тонкой коричневой бумаги под сиденье.

Она прочитала “Рецепты дня”:

Œufs à la courtet.

Petites crèmes de Faisan.

Tartelettes de Pommes.

Fromage³.

Это все чудесно, но почему они хоть иногда не расскажут, как по-новому приготовить рисовый пудинг с вареньем или что можно добавить в десерт на основе кукурузного крахмала?

³ Помидоры, фаршированные яйцами. Крем-суп из фазана. Тарталетки с яблоками. Сыр (*фр.*).

Она медленно опустила журнал на колени и стала разглядывать мужа. Только раз в год они сидели так близко друг к другу. Дома такой возможности у них не было, потому что из-за множества дел она никогда по-настоящему его не видела; даже за стол они не садились рядом, и к тому же между ними всегда стояла посуда. В поезде же они занимали места друг напротив друга и всякий раз, отрываясь от чтения, встречались взглядами. Теперь она могла изучать его, потому что он склонился над газетой, мягко покачиваясь в такт движению поезда. Он по-прежнему носил пенсне в стальной оправе, которое приобрел несколько лет назад, когда у него начали болеть глаза по вечерам, – но с тех пор зрение у него, должно быть, ухудшилось, потому что ему приходилось держать газету дальше от себя, чем раньше.

За прошедшие годы он не сильно изменился. Волосы, конечно, поредели, и в последнее время он не раз пытался с этим бороться. Он разделял их на косой пробор почти над левым ухом, гораздо ниже, чем большинство мужчин, и зачесывал длинные пряди направо. Усы выглядели менее аккуратными, чем раньше, но это потому, что воск успел смыться. Раньше у них были красивые, блестящие, заостренные кончики.

Впрочем, если не считать этих мелочей, он остался прежним. Лицо у него до сих пор было гладким и румяным, и он не растолстел, как это часто случается с людьми после пятидесяти.

Когда он сидел так близко, но не замечал ее из-за газеты, он казался до странности далеким. Почему-то ей было трудно думать о нем как о мужчине, с которым она прожила столько лет. Ей представлялось, что если он сейчас вдруг поднимет голову, то вполне может взглянуть поверх очков и сказать: “Погоди-ка – ты ведь моя жена, да?”, а она ответит: “Да! И ты – ты же мой муж?”

Она задумалась, глядя на него и готовясь быстро отвести взгляд, если он поднимет глаза. Хотелось бы ей знать, счастлив ли он на самом деле. Иногда его словно что-то тревожило. Он бродил по дому, выглядывал в окно, потом шел прогуляться, возвращался и ходил по саду.

Он редко разговаривал с ней, когда бывал в таком настроении, а ей очень хотелось подойти, взять его под руку и спросить, что случилось.

Она часто гадала, не из-за футбольного ли клуба он переживает. Эта неприятность случилась так давно, что он должен был уже обо всем забыть, и все же она почему-то боялась, что забыть он так и не сможет, что, даже состарившись, он все равно будет чувствовать ноющую боль, как от старой, но глубокой раны. В молодости он был прекрасным футболистом. Она вспомнила, что, когда он еще ухаживал за ней, она ходила смотреть, как он играет, на старую площадку за фабрикой фортепиано – теперь эту площадку застроили домами.

Он стоял на воротах, готовясь ловить мяч, и ему очень

шли серый шерстяной свитер с высоким горлом и надвинутая на глаза кепка.

Именно он в компании с другими увлеченными футболом молодыми людьми основал “Сиденхем грассхопперс” – это было за год или два до их свадьбы, – и, оглядываясь на те далекие дни, миссис Стивенс с трудом могла представить свою раннюю замужнюю жизнь без суеты и азарта футбольного клуба.

Когда Стивенсы уезжали в отпуск на медовый месяц, члены клуба устроили им чудесные проводы и прицепили к кэбу старый футбольный мяч. Они преподнесли молодым именную чернильницу клуба, а кое-кто даже незаметно вручил им небольшие подарки лично от себя. Это было чудесное время.

Мистер Стивенс продолжал играть еще пару лет после свадьбы, а потом стал секретарем. Какими счастливыми, насыщенными, суматошными были те годы для ее мужа – и для нее тоже! Клуб сильно разросся с момента основания, и к тому времени у них играли две команды, а иногда и три. Каждый вечер мистер Стивенс усердно работал, иногда засиживаясь допоздна: он рассылал командам карточки с напоминаниями о матче, вел протоколы, составлял расписание игр и делал еще сотню других вещей. Он часто получал с утренней почтой три-четыре письма и открывал их за завтраком. Иногда приходили застенчивые молодые люди, которые решили присоединиться к клубу и просили о встрече с мистером Стивенсом; он был очень весел и доброжелателен с ни-

ми, хлопал их по плечу, спрашивал, играли ли они раньше, готовы ли много трудиться и хватит ли им упорства. Иногда приходили члены комитета, которые хотели что-то обсудить с ним конфиденциально, и он приглашал их в гостиную, закрывал дверь и вел с ними длинные, тихие и таинственные беседы, а миссис Стивенс варила кофе, и, когда ее звали, подавала его с коробкой имбирного печенья. Она никогда не приносила кофе, пока муж не позовет, потому что он говорил с гостями о чем-то очень секретном и важном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.